

МИНУС ОДНА МИНУТА

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ЗЕМЛЯ

ГАЛИНА ТИМОШЕНКО

ЕЛЕНА ЛЕОНЕНКО

Галина Тимошенко

**Минус одна минута. Книга
третья. Последняя земля**

«Издательские решения»

Тимошенко Г.

Минус одна минута. Книга третья. Последняя земля /
Г. Тимошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900908-1

Что происходит с человеком, внезапно получившим то, о чем он мечтал много лет? А если он получил все это совсем не в той реальности, в которой прежде жил и мечтал, — что происходит в этом случае?! Сможет ли он одновременно справиться и с неожиданно сбывшимися мечтами, и с условиями этой совершенно новой для него реальности? А если в этой реальности живут еще и другие люди, тоже получившие все, о чем мечтали? Сумеют они договориться друг с другом и смириться с исполнением чужих мечтаний или нет?

ISBN 978-5-44-900908-1

© Тимошенко Г.
© Издательские решения

Содержание

17.20. За восемь дней до...	6
16.05. За пять дней до...	18
13.25. За три дня до...	22
13.30. За три дня до...	24
14.30. За три дня до...	26
16.10. За три дня до...	30
16.30. За три дня до...	32
16.30. За три дня до...	38
18.05. За три дня до...	40
18.15. За три дня до...	42
22.10. За три дня до...	45
22.10. За три дня до...	51
22.20. За три дня до...	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Минус одна минута Книга третья. Последняя земля

**Галина Тимошенко
Елена Леоненко**

© Галина Тимошенко, 2019

© Елена Леоненко, 2019

ISBN 978-5-4490-0908-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

17.20. За восемь дней до...

...Стас сидел в своем потайном кабинете в Доме Совета и наблюдал за происходящим в Зале Одобрения сквозь крохотное окошко, из Зала выглядывшее всего лишь частью орнамента под потолком. Собственно, в данный момент он не столько наблюдал за происходящим, сколько от скуки рассматривал висевшие на стенах Зала огромные фотографии членов Совета. На фотографиях каждый из них держал в руках большой темно-фиолетовый кристалл странной формы: больше всего тот был похож на ежа, покрытого очень толстыми искристыми иглами. Лица у всех членов Совета на фотографиях выглядели торжественными, но несколько растерянными.

Знали бы все они, зачем, принося дурацкую клятву членов Совета, берут в руки этого фиолетового ежа... Именно в момент принесения ими клятвы Стас и понял: ему необходимо какое-то потайное место, откуда можно было бы контролировать ход каждого заседания Совета. Правда, контролировать имело смысл только Цветану: в предсказуемости и лояльности всех остальных Стас и так был вполне уверен.

Буряк в Совете воплощал здравый смысл в самом практическом его понимании – и, кроме того, был своего рода научным и техническим консультантом. Зинин отвечал за социальные и стратегические последствия действий, о которых просили жители Равнины, жаждущие что-то самостоятельно создать. Присутствие Алены и Артема намекало на демократию: дескать, в Совете должны иметься представители разных слоев населения? Должны. Так Алена – моргалка, а Артем – и вовсе эктор. Натэ, получите. Конечно, намек был слабым, что и говорить: ни дричей, ни итеров, ни тем более приоров в Совете не было, но все-таки...

Цветана же была включена в Совет всего лишь для нечетности его состава: предполагалось, что Совет является самостоятельным органом и все вопросы решает исключительно голосованием. Только его членам было известно о тайном кабинете с окошком для подсматривания и о том, что Стас в любой момент может появиться в Зале Одобрения.

В результате Цветана получила тот же статус (и, соответственно, те же возможности), что и прочие члены Совета – это-то и держало Стаса в напряжении последние три года. Конечно, во время событий трехлетней давности в Долине она была в курсе многого, но все же в самый ближний круг не входила. Именно поэтому Стасу приходилось часами торчать в этом кабинете каждый раз, когда Совет собирался для рассмотрения очередных просьб жителей Равнины.

Впрочем, нынешнее бдение можно было считать даже увлекательным – хотя вначале, как всегда, Совет выслушал четырнадцать совершенно обычных заявлений на разрешение что-то создать.

Один чересчур романтичный итер возжаждал сотворить реку через всю Равнину. Ему, разумеется, было отказано: такая река создала бы огромное количество транспортных и прочих проблем.

За ним перед Советом предстала семейная пара дричей, которым позарез нужно было оборудование для переработки кобыльего молока. Этим Совет одобрение даровал, и дричи радостно удалились, вознося хвалу установившемуся на Равнине порядку.

Следом Совет отклонил просьбы о создании собственного самолета и небольшой механической мастерской (слишком рискованно в нынешних условиях), метеостанции (бессмысленно, если учитывать до отвращения стабильный климат Другой Земли), нового холма (просто бессмысленно) и прочих противозаконных или ненужных предметов.

Благосклонное разрешение было даровано еще лишь двоим ученицам Цветаны: они мечтали о создании огромной оранжереи со сложной системой поддержания искусственного микроклимата. В оранжерее планировалось выращивать всякие лекарственные растения – а это, разумеется, никак не могло не радовать медика Цветану.

После всей этой рутины пришел черед рассмотрения редкого в последние два года преступления: перед Советом должен был предстать сильно нашкодивший мортал Макс.

Во время памятных событий в Долине он выступал в роли бунтаря и оппозиционера, но после волны дестабилизации и возвращения основной массы долинных жителей на Равнину вроде бы притих и смирился. Однако пару дней назад патрулировавшие Равнину экторы-полицейские внезапно обнаружили несанкционированно возникшую рядом с домом Макса семиметровую башню, увенчанную чем-то вроде телескопа. Насколько можно было судить, этот телескоп позволял видеть все дома на Равнине. А при ближайшем рассмотрении телескопа выяснилось, что посредством него можно наблюдать мельчайшие подробности жизни за любыми окнами.

Безусловно, подобное строение следовало считать абсолютно противозаконным, но еще более крамольным был сам факт того, что Макс сотворил свой наблюдательный пункт, не запросив одобрения Совета.

Конечно же, полицейские немедленно схватили Макса и водворили его в бывший вольер для безвременно усопших питеков. Последние три года вольер использовался как раз для таких случаев, хотя их количество и можно было считать исчезающе малой величиной. С помощью говорунов-инженеров преступную башню разрушили, а жене Макса сделали первое – оно же и последнее – строгое предупреждение.

Супруга ослушника Макса, по ее словам, была совершенно не в курсе преступных замыслов мужа и вообще уже несколько дней не выходила из дому, так что видеть возникшую башню никак не могла. Тем не менее, пока ей читалось грозное внушение, она вполне искренне плакала, каялась и клялась в своей преданности Совету, Стасу и общему равнинному порядку. Возможно, причиной неожиданно мягкого отношения к ней в момент задержания ее преступного мужа стало именно это ее искреннее раскаяние – а может, полицейские просто не захотели перегибать палку... Милосердие правоохранительных органов и Совета дошло даже до того, что несчастную супругу было решено пустить на заседание, на котором будет рассматриваться дело ее мужа.

Поэтому сейчас она вошла в Зал Одобрения следом за Максом, с надменным видом шествовавшим между двумя полицейскими, и застыла в уголке, с ужасом переводя взгляд с одного члена Совета на другого.

Стас наклонился поближе к своему наблюдательному окошку, отчаянно надеясь на то, что память у членов Совета не хуже, чем у него самого. В конце концов, именно Макс с его крикливой женой сыграли одну из главных ролей в событиях, которые привели к волне дестабилизации.

А та волна убила Лилию.

Лилии нет.

Черт, черт, черт. Вовсе незачем было об этом сейчас думать...

В любом случае, если Совет решит вдруг засомневаться перед вынесением приговора, придется вмешаться. Конечно, на Равнине станет известно, что заседания Совета проходят под незримым контролем Стаса – ну черт с ними со всеми. Макс должен получить свое, раз уж ему повезло выжить три года назад, во время волны дестабилизации. Тем более наказание за подобное преступление четко оговорено в законе: высылка обратно на Землю. И непременно надо проследить, чтобы мортал, который будет обеспечивать скорую смерть Макса на Земле, постарался как следует.

Зинин, как председатель Совета, взял слово первым:

– Итак, Макс, мы хотим тебя выслушать. Почему ты позволил себе нарушить закон?

Как и следовало ожидать, Макс не собирался сдаваться без боя:

– А с какого перепоя я должен у кого-то спрашивать разрешения? Ваш Стас у кого-то спрашивал, можно ли ему самолет создавать? И можно ли ему делать все остальное? Спрашивал?

Алена немедленно вспыхнула и ровным голосом проговорила:

– Стас здесь ни при чем. Есть закон, и ты это прекрасно знаешь.

Перед каждым членом Совета прямо в стол было вмонтировано по два листа, на которых полностью умещалось нынешнее законодательство Равнины, и Артем тут же прочитал, глядя на столешницу:

– Любой человек, осмелившийся создать что бы то ни было без одобрения большинства членов Совета, считается преступником...

– Ха! Большинство! И часто вы голосуете не единогласно? – немедленно встрял с язвительным комментарием Макс.

Артем, ничем не выдавая своего отношения к Максиму и ко всему происходящему, продолжал:

– За подобное деяние преступник наказывается принудительной высылкой обратно на Землю в максимально неблагоприятные условия из тех, которые могут быть для него там созданы силами компетентных морталов.

– Да какая разница, где подыхать? – резвился непримиримый Макс. – По мне – так лучше уж там, чем в этом идиотизме!

Жалостливая Алена решила вмешаться:

– Макс, мы ведь против тебя ничего не имеем. Мы просто призваны соблюдать законность на Равнине...

– Да не старайся ты, подстилка Стасова! – расхохотался Макс. – Тебе-то уж точно плевать на закон. Ты все что угодно сделаешь, если он тебе прикажет. Скажешь, не так?

Алена широко раскрыла несчастные глаза и умолкла, а Макс обвел всех присутствующих торжествующим взглядом.

– Заканчивайте вашу бодягу, придурки! Смех смотреть, как вы щеки дуετε, изображаете представителей власти... Самим-то не смешно?

Цветана (единственная из всех, кто продолжал сохранять безмятежное спокойствие) бесстрастно оборвала его:

– Ты можешь говорить что угодно, но закон ты нарушил. Мы можем тебя выслушать, а можем просто зачитать приговор. Не хочешь попытаться оправдаться – дело твое. Или хочешь?

Умница Цветана. Именно на ее здравомыслие и флегматичность и был расчет при включении ее в Совет. А ведь могла бы сейчас и встать на сторону Макса: помнится, в свое время она больше всех удивлялась новому закону.

– Да в чем мне оправдываться?! – заорал Макс. – Ваш дебильный Стас сначала сделал нас всех всемогущими, а потом испугался: какой кошмар, теперь все могут то, что могу я... Все же вокруг идиоты, разве можно им давать такую возможность?! Вот и весь ваш закон! И я еще должен оправдываться?

– Макс, милый, зачем ты так? – попыталась урезонить его жена, но Макс не обратил на ее слова никакого внимания:

– Не дождетесь! Читайте свой гребаный приговор, а то надоел уже весь этот цирк.

Члены Совета переглянулись, и Зинин потянулся за лежавшим перед ним листом пергамента.

Ну уж нет! Так легко этот олигофрен-народоволец не отделается...

И Стас решительно поднялся и вышел из кабинета.

Макс встретил его появление в Зале Одобрения злорадным:

– Я так и знал. Что, подсматриваешь в щелочку за своими прихвостнями? И то верно: вдруг чего-нибудь натворят?

Стас остановился прямо напротив Макса и насмешливо прищурился:

– Ты снова против всех, дурачок?

Макс заиграл желваками на скулах и яростно проскрипел:

– Я не против всех, я только против тебя – как был, так и есть! Тебя это расстраивает, Гитлер недоделанный?

Стас долго с непроницаемым видом разглядывал Макса, прежде чем спросить:

– Как тебе это удалось-то?

– Представь себе, удалось! – расхохотался Макс. – Ты с чего вообще решил, что никто тебя послушаться не посмеет?!

Стас задумался и, пожевывая нижнюю губу, засмотрелся на пол. Макс какое-то время с той же задиристой ухмылкой ждал ответа, потом все-таки не удержался:

– Что, не нравится? Чего молчишь?

Стас, продолжавший сосредоточенно глядеть вниз, очнулся не сразу:

– Прости, не услышал... Повтори, будь ласков, а?

Тут даже бестолковый Макс сообразил, что при повторе его страстные реплики сильно потеряют в эффектности, и предпочел промолчать.

Стас еще немного помолчал, потом поднял отстраненный взгляд, кивнул Зинину и сел в дальнем углу зала.

Члены Совета, несколько озадаченные его поведением, тревожно переглянулись, и Зинин, пожав плечами, зачитал приговор:

– За самостоятельное несанкционированное создание предметов, ранее не существовавших на Другой Земле, преступивший главный закон Равнины мортал Макс Корчень приговаривается к принудительному возвращению на Землю. Мортал Виктор Бедунец назначается ответственным за обеспечение максимально неблагоприятных земных условий для Макса Корчения. Супруге преступника Дарье Костыльниковой предоставляется право выбора: она может вернуться на Землю вместе со своим мужем или остаться на Другой Земле. В случае ее возвращения на Землю никаких особых условий для ее дальнейшего проживания там организовано не будет. Преступник Макс Корчень до момента приведения в исполнения данного приговора должен содержаться под стражей.

– Да на здоровье! – выкрикнул Макс, повертел головой в поисках хоть какой-то возможности выплеснуть свои чувства и с размаху изо всех сил топнул по ноге стоявшего рядом эктора-полицейского. Тот взвыл от неожиданности и отвесил Максу увесистую затрещину.

– Не смей! – крикнула Алена. – Ты всего лишь охранник!

Эктор тут же пристыженно отскочил от Макса и начал что-то бормотать себе под нос: видимо, уговаривал себя сохранять спокойствие и при необходимости подставить Максу другую ногу.

Упомянутая в приговоре Дарья Костыльникова тихонько всхлипывала и с надеждой посматривала на членов Совета. Впрочем, ее молчаливые призывы к их предполагаемому милосердию никакого действия не возымели: все пятеро тут же, загремев отодвигаемыми стульями, двинулись к Зинину для подписания вынесенного приговора.

Экторы-полицейские, опасливо оглядываясь на Алену, развернули Макса к двери и решительно, но аккуратно вытолкали его из Зала Одобрения.

Поставив свою подпись под приговором, каждый из членов Совета в свою очередь бросал вопросительный взгляд на Стаса. Тот продолжал сидеть в своем углу, задумчиво морща лоб и не обращая никакого внимания на окружающих.

Буряк, последним поставивший свою подпись, долго ждать не стал:

– Эй, в камышах! Мы свободны? Или ты имеешь что-то нам сказать?

Стас неторопливо поднял глаза и все так же молча перебрался к столу, расположившись на стуле Артема. Некоторое время сидел там, разглядывая членов Совета, а потом тихо поинтересовался:

– Сдается мне, это вы хотите поговорить. Или я ошибаюсь?

Буряк неопределенно повел плечами, а остальные, как по команде, расселись вокруг стола. Артем смущенно повертел головой, словно в нынешних обстоятельствах у стола мог сам собой возникнуть еще один стул. Поскольку ничего такого не произошло, он подавил сокрушенный вздох и послушно принес стул, на котором только что сидел в углу Стас.

– Хотите сказать, мы с вами перегнули палку? – поинтересовался Стас.

– Вообще-то телескоп – хорошая штука... – ни к кому конкретно не обращаясь, невыразительно проговорил Зинин.

Алена бросила встревоженный взгляд на Стаса, но тот только ядовито усмехнулся и промолчал. Вместо него, царственно вскинув голову, ответила Цветана:

– Раз уж мы приняли какой-то закон, его надо соблюдать. Нельзя кому бы то ни было позволять на этот закон плевать. В законе сказано...

– Цветка, уймись, – с досадой прервал ее Буряк. – Мы знаем, что сказано в законе. Стас о другом спросил.

– Я поняла, о чем спросил Стас, – с прежним достоинством сообщила обстоятельная болгарка. – Стас хочет понять наше отношение к тому приговору, который мы только что вынесли. Поскольку это всего лишь третий случай в нашей новой истории, мы еще не привыкли выносить подобные приговоры. Поэтому Стас полагает, что нам может быть некомфортно, когда мы фактически приговариваем человека к смерти.

Зинин у нее за плечом тоскливо закатил глаза, а Алена, не сдержавшись, сдавленно хихикнула. Цветана посмотрела на нее – не столько укоризненно, сколько удивленно – и упорно продолжала:

– Я, разумеется, не могу говорить за всех, но за себя скажу: я считаю, что Макс давно это заслужил. Он заслужил это еще три года назад, но тогда у нас не было такого закона. Я не могу сказать, что поддерживаю идею смертной казни...

– Короче, Цветка, короче! – взмолился Буряк. – Есть хочется, пить хочется, спать хочется, а тут ты со своими древнегреческими монологами...

– Я вовсе не поддерживаю идею смертной казни, а изгнание обратно на Землю при условии обеспечения там человеку тяжелейших условий существования, безусловно, можно считать именно смертной казнью, – неумолимо продолжала Цветана, категорически неспособная бросить какое бы то ни было дело на полпути. – Но я поддерживаю идею о необходимости законного регулирования нашей жизни. Три года назад большинство проголосовало за этот закон – значит, его необходимо соблюдать. Макс не просто нарушил закон: он смеялся над этим законом, поэтому вынесенный приговор я считаю вполне справедливым.

Зинин беспокойно заерзал, подозрительно глядя на замолчавшую болгарку: она все-таки закончила или просто набирается сил для следующего повествования? Но Цветана продолжала хранить безмятежное молчание, и он с облегчением выдохнул.

Стас с насмешливой благодарностью кивнул Цветане и опять устался куда-то вверх.

Голодный и сердитый Буряк проворчал себе под нос:

– Меня больше интересует, почему Макс вообще смог...

Стас, слегка нахмурившись, искоса уставился на него.

Воцарилось молчание, во время которого все по несколько раз посмотрели друг на друга и в конце концов свели все настороженные взгляды на Стасе. Заметив это, он раздраженно спросил:

– Ну? Что вы на меня смотрите? Откуда я знаю, почему он смог?

– Разумеется, ты понятия не имеешь, почему остальные не могут, – бесстрастно заметил Буряк. – Но почему-то мы дважды в неделю часов по пять-шесть выслушиваем просьбы жаждущих и страждущих. И почему-то же они к нам идут, а не создают без разрешения все, что им в голову взбредает. И ты, конечно же, даже не догадываешься, почему...

– Слушай, не начинай, а? – разозлился Стас. – Уже тысячу раз говорено: теперь будет так. Вам-то зачем знать, как я это сделал?!

– Хотя бы затем, чтобы понимать, что ты нам доверяешь, – ровным тоном произнес Зинин. – Пока мы про все это знаем столько же, сколько остальные – мы тебе не друзья, а марионетки. Если тебя это устраивает – пожалуйста.

Стас собрался было что-то сказать, но тут в зал влетел запыхавшийся эктор-полицейский с вытаращенными глазами и прямо с порога выпалил:

– Он сделал себе кровать! Мы его отвели в вольер, а он там сделал себе кровать!

Стас сорвался с места и вылетел из зала, пробормотав:

– Вот сучонок!

Все переглянулись и начали тоже выбираться из-за огромного стола: Алена – торопливо, не отрывая взгляда от двери, за которой исчез Стас, Цветана – без малейшей суеты, сохраняя свое фирменное спокойствие, Артем – четко, по-военному. За столом задержались только Буряк с Зининым, обменявшиеся сложно-выразительными взглядами.

– Думаешь, там есть на что смотреть? – любопытствовал наконец Буряк. – Ты кроватей не видел?

– Я Стаса в подобной ситуации не видел, – сквозь зубы ответил Зинин.

– Ладно, – пожал плечами Буряк, никуда не торопясь. – Пойдем посмотрим, раз ты считаешь, что это будет интересное зрелище.

– Скорее познавательное, – пробормотал Зинин и нехотя поднялся.

...Когда они добрались до бывшего вольера питеков, ныне игравшего роль тюрьмы, действо там еще только начиналось.

За прозрачной стеной вольера-тюрьмы красовалась роскошная кровать с густо-вишневым балдахином, наводившая на мысли о Версале или Эрмитаже. На кровати привольно возлежал Макс, со злорадной ухмылкой любясь балдахином. По другую сторону стены разъяренным изваянием застыл Стас с руками в карманах и вздернутым подбородком. В нескольких метрах позади него стояли члены Совета, оглянувшиеся при приближении задержавшихся Буряка с Зининым.

– И что это значит, позволь спросить? – подрагивающим от сдерживаемого бешенства голосом спросил Стас.

– Это? – удивился Макс, слегка повернув голову на голос. – Это – кровать. Разве не похоже? Не спать же на голой земле...

Стас еще немного помолчал, договариваясь с собственной выдержкой, а потом бросил через плечо:

– Отойдите все. Дайте мне поговорить с ним.

– Оп-па! Оказывается, у нас с тобой есть общие тайны? – продолжал веселиться Макс.

– Ну?! – не оборачиваясь, рявкнул Стас, спиной почувствовавший всеобщую напряженную нерешительность.

Экторы заполошной петушиной стайкой метнулись прочь от вольера. Члены Совета отошли с большим достоинством, хотя и без всякого желания. Только Алена, сделав пару шагов назад, остановилась, не отрывая тревожно-сосредоточенного взгляда от спины Стаса.

Стас подошел поближе к прозрачной тюремной стене и негромко спросил:

– Как тебе это удалось?

– Здравсте! Ты же сам сделал так, чтобы мы все это могли – вот я и смог, – торжествующе заявил Макс. – А почему нет-то?

Стас еще больше понизил голос:

– Где ты был, когда... – он осекся, помолчал немного и сам себе возразил: – Да нет, я тебя тогда видел.

Макс так заинтересовался, что даже повернулся к Стасу, приподнявшись на локте:

– Это когда же?

– Проехали, – отрезал Стас.

– Ух ты! – возрадовался Макс. – Раз ты так всполошился – значит, сильно я тебе в компот нагадил. Не поверишь: приятно... Просто чертовски приятно! Эх, знал бы я раньше, что не только закон нарушаю, а еще и тебя так сильно злю...

После небольшой паузы Стас ледяным тоном поинтересовался:

– И что именно ты создавал раньше?

– Да кучу всего! Тебе бы в мой подвал спуститься... Да, кстати: подвала-то у меня раньше тоже не было. Ты разве не знал? Так вот у меня в подвале – целый зоопарк. И штук пять экторов, чтобы все это зверье обслуживать. Ну не Дашка же моя стала бы их дерьмо выгребать, верно? Между прочим, о Дашке. Я ей в подвале тоже местечко выделил, – забавлялся Макс. – Представляешь, ей вдруг приспичило померить королевские наряды. Пришлось уважить, а то ж не давала, зараза! Мне продолжать, или ты боишься от злости лопнуть?

Стас молчал, покачиваясь взад-вперед. Макс терпеливо ждал его реакции, продолжая злорадно скалиться. Наконец ждать ему надоело, и он снова плюхнулся на спину:

– Все, надоел ты мне до смерти. Сил больше нет тебя видеть, – и в ту же секунду вокруг кровати возник небольшой аккуратный дом, приткнувшийся передней стеной прямо к невидимому ограждению тюрьмы.

В наступившей тишине неожиданно громко прозвучал голос Цветаны, констатирующей:

– Макс продолжает плевать на закон, а его жена, оказывается, все знала.

Стас резко повернулся и обнаружил, что практически все зрители за время его разговора с Максом, сами того не замечая, вернулись на свои прежние позиции.

Вот же любопытные паршивцы! Наверняка все слышали. Хотя...

Ну даже если и слышали – что они могли понять? Ничего конкретного никто не сказал. Впрочем, Макс и не мог ничего сказать. Не мог же он, в самом деле, что-то понять: просто ума бы не хватило. Если Зинин с Буряком до сих пор в тумане бродят – куда уж тут простачку Максусу...

Или эти двое тоже только прикидываются, что ничего так и не поняли? Впрочем, если поняли – тогда тем более неважно.

Да черт возьми, что вообще в этом дурацком разговоре могло быть опасного?! О чем тут думать? Или... Может, об этой ерунде думается просто для того, чтобы не думать о том, что произойдет сейчас?..

И Стас, оглядев притихших зрителей, спокойно сказал:

– Алена, уведи Цветану. Все остальные тоже могут идти.

Цветана изумленно вздернула брови, но Алена что-то зашептала ей на ухо, одновременно увлекая болгарку за крепкий локоть в сторону едва видимого за деревьями институтского здания.

Небось, дамы решили, что это – наказание за любопытство. Ну и хорошо, если решили именно так. Буряк-то, судя по всему, не так доверчив... Ни за что не уйдет. Зинин тоже не уйдет, но останется скорее из любопытства. Что ж, дело хозяйское: если человек мечтает за компанию утопиться... Грех мешать людям делать то, что они хотят.

Стас снова повернулся к вольеру.

В следующую секунду дом внутри тюрьмы вспыхнул пронзительно-желтым столбом пламени.

Интересно, стена вольера выдержит такую температуру? Изначально-то она на это рассчитана не была... Надо будет не забыть проверить, иначе – прощай, тюрьма.

Через минуту гигантский костер угас так же стремительно, как и возгорелся. До слуха потрясенных свидетелей не донеслось ни одного крика единственного обитателя дома. На месте казни осталось лишь уродливое черное пятно, которое посреди пожухшей к концу лета травы выглядело провалом в глубины реальности.

Стас постоял минуту спиной к остальным, затем с непроницаемым лицом повернулся и посмотрел на замерших невдалеке Буряка с Зининым.

Зинин, кривя губы, смотрел в сторону. Буряк исподлобья тяжело поглядел на Стаса, потом пробормотал что-то невнятное себе под нос, затолкал кулаки в карманы и, сторбившись, пошел прочь.

Стас проводил его тоскливым взглядом и подошел поближе к Зинину. Артем маячил где-то сбоку и ни во что не вмешивался, хотя вид у него был сердитый.

– Я, помнится, предлагал вам уйти, – негромко сказал Стас.

Зинин отстраненно покивал, но ничего не сказал.

– Ты считаешь, у меня был другой выход?

Зинин, снова промолчав, неопределенно поиграл бровями.

– Иди ты к черту! – разозлился наконец Стас. – Можно подумать, я сейчас пляшу от восторга! Или ты думаешь, что я мечтал об этом последние три года?

Зинин вскинул на него несчастные глаза:

– Стас, что ты творишь?..

Некоторое время Стас недобро разглядывал лицо историка, потом крепко ухватил того за локоть, как давеча Алена Цветану, и повел в глубину парка – подальше от благоговейно застывших полицейских и хранившего гневное молчание Артема. Зинин покорно позволял вести себя, только время от времени потрясенно мотал головой и повторял:

– Что ты творишь?

Стас провел не сопротивлявшегося историка через парк, втолкнул в здание института и, уже не обращая на него внимания, рассерженно зашагал по коридору в сторону своего кабинета. Зинин все так же покорно побрел за ним, а Артем, бросив им обоим вслед непонятный взгляд, повернул в другой конец коридора: Стас, давным-давно охладевший к институтским делам, свалил на своего верного эктора всю ответственность за происходящее в институте, так что дел у того всегда было невпроворот.

Стас размашисто прошагал через весь кабинет к холодильнику, вынул из него мгновенно запотевшую на воздухе бутылку водки и водрузил ее на стол. Жалобно лязгнули пущенные вскользь по столу тяжелые стаканы, и Стас обессиленно бросился в кресло перед камином.

Через секунду он вскочил, как подброшенный: это было любимое кресло Лилии, и в другой ситуации он бы ни за что...

Зинин терпеливо дождался, пока Стас пересядет во второе кресло, подтянул к столу один из беспорядочно стоявших вдоль стен стульев и тоже уселся.

Стас молча разлил водку по стаканам и быстро опрокинул свой.

– Здорово получается, да? – агрессивно заговорил он, вызывающе глядя в упор на потянувшегося за своим стаканом Зинина. – Пока я играл в демократа – вы все на меня бочки катили: дескать, стал вождем – так веди, нечего сопли жевать...

Зинин, не отвечая, налил себе снова и откинулся на спинку стула.

– Скажешь, ты мне этого не говорил?

– Не скажу, – равнодушно согласился историк, внимательно рассматривая свой стакан. – Говорил.

Стас сник и тоже уставился в опустевший стакан. Зинин молча потянулся за бутылкой и налил Стасу и себе.

– Ты-то хоть понимаешь, кто убил Лилию? – с горечью спросил Стас.

– Понимаю. Ты.

– Правильно понимаешь. Ее убил я – как раз тем, что играл в демократию. Ты, помнится, сам говорил: все, кто оказался на Другой Земле – недочеловеки.

– Положим, так я не говорил, – возразил Зинин, впервые с момента пожара в вольере обнаружив признаки здравого рассудка.

– Неважно. Значит, Галилей говорил, – отмахнулся Стас. – Все, кто здесь, на нашей Земле хотели не сделать, а получить.

Услышав это неожиданное «на нашей Земле», Зинин выхлебал еще порцию водки и наконец-то заинтересовался:

– Матушев тоже?

– Ну... – смешался Стас, – Матушев – это совершенно особая статья. У него мечта была такая, которую только здесь и можно было осуществить.

– Ну не скажи... – запротестовал Зинин. – Тогда уж будь последовательным: чтобы придумать теорию Большого взрыва, вовсе не надо было оказываться в начале времен. Значит, Матушев тоже мог бы...

– Да ладно тебе! – досадливо прервал его Стас. – Я тебе про другое говорю. Если бы я с самого начала построил народ в Долине ровными рядами, загасил бы Макса во время истории с питеками... Если бы я не делал вид, что Тимофей не опасен – не было бы той волны! И Лилия была бы жива, понимаешь ты?!

Он вскочил с кресла и заметался по кабинету, нервно перебрасывая стакан из руки в руку.

– И нельзя было, чтобы все научились создавать то, что хотят!

Зинин улучил момент, когда Стас проносился у него за спиной, и воздел вверх руку с бутылкой.

Стас недоуменно остановился, рассматривая полупустую бутылку, потом аккуратно извлек ее из зининской руки, наполнил свой стакан и так же аккуратно вставил бутылку обратно. Выпил, даже не поморщившись, как воду, и неожиданно спокойно проговорил:

– Поэтому сейчас я буду делать то, что считаю нужным. Вы считаете меня последним подонком – на здоровье. Сегодня я стал убийцей – пусть так. Я решил, что его нужно убить, и убил. Не надейся, я не жалею. Так было нужно.

– Нужно для чего? – мрачно спросил Зинин. – Чтобы скрыть последствия твоей ошибки?

Стас медленно обошел кресло и встал прямо перед Зининым, нависая над тщедушным историком всем своим длинным телом.

– Не скрыть, а устранить, – жестко произнес он, глядя поверх зининской головы куда-то в окно. – Макс бы не остановился.

Зинин негромко уточнил:

– Ты действительно не мог его остановить? Поэтому он и не приходил к нам в Совет за одобрением, и при этом спокойно создавал, что хотел?

Стас наклонился и внимательно взглянул в лицо историку.

– Думай, как хочешь. Он бы не остановился – в этом вся суть. Он был угрозой всем. Всем и всему.

– Значит, я прав, – задумчиво сказал сам себе Зинин. – Ты пытался его остановить – и не смог. Очень странно... Других смог, а его нет. Почему именно его?

Стас, не отвечая, снова заходил по кабинету, подбрасывая опустевший стакан, а Зинин продолжал общаться с самим собой.

– Ты все устроил так, как хотел. Тимофеевы экторы теперь подчиняются только тебе. Все бегает к нам за разрешением на любой чих. Галилеанцев будто бы и в природе не было, Тимофей забился в норку и не рыпается... Ты не смог остановить только Макса. Ну ладно, еще тех двоих, которые раньше... В общем, тех, кого мы уже угробили. Почему?!

– Если бы я знал, не было бы нужды Макса убивать, – угрюмо пробурчал Стас.

Бутылка с жалко плещущимися на дне остатками снова взмыла вверх. Стас вылил остатки в стакан и не вполне твердыми шагами пошел к холодильнику.

– Что, там еще есть? – изумился Зинин, с горечью рассматривая свой пустой стакан.

– Есть... – печально сообщил Стас и извлек из холодильника преемницу первой бутылки.

Они продегустировали содержимое преемницы. Оно их вполне удовлетворило, и стаканы снова были наполнены.

Стас обрушился в кресло и в упор посмотрел на Зинина:

– Я понял одно: если у тебя есть превосходство, ты обязан им пользоваться. Даден тебе от природы дар – невежливо им пренебрегать. Хочешь, не хочешь, придется пользоваться.

– Правда?! – поразился историк. – А какой у меня дар?

– Да не у тебя, – досадливо поморщился Стас. – Я же о себе говорю.

– А-а... Тогда ладно, – успокоился Зинин.

Он немного посидел, осваивая очередную порцию животворящего напитка, потом встретился:

– А твое превосходство – оно в чем?

Стас поразмыслил и осторожно предположил:

– Не знаю. Но оно есть. Иначе откуда бы взялся правый инфинит?

Зинин наморщился, сосредоточенно разглядывая правый висок Стаса, и растерянно спросил:

– А где твой правый инфинит?

– Так то-то и оно! – заорал Стас. – Нельзя было давать всем возможность создавать что попало!

Вдруг он осекся и торжествующе заявил:

– О! Вот оно, мое превосходство. Ты, скажем, мог бы тогда, три года назад, создать самолет?

Зинин решительно замотал головой.

– Вот! А я смог. Это что, не превосходство, скажешь?

Историк с сомнением поморщился и неопределенно покачал головой.

– Да ладно тебе! – возмутился Стас. – Потому и инфинит. Ты ж не дурак, должен понимать.

– Так ведь нет инфинита! – развел руками Зинин. – А ты вроде как все равно главный. Почему?

Стас рассерженно рявкнул:

– Потому что инфинит был! И потому, что пока он был, я наломал дров. Вот теперь и разгребаю.

– Положим, мы это теперь все разгребаем... – горестно вздохнул Зинин и опять потянулся за бутылкой.

Дверь тихонько приоткрылась, и в кабинет проскользнула Алена. Она быстро оценила обстановку и, не говоря ни слова, заглянула в холодильник. Обнаружила там кое-что съестное и выставила найденное на стол:

– Вы хоть закусывайте, – посоветовала она, и мужчины внезапно обнаружили ее присутствие.

– Ты откуда взялась? – сосредоточенно хмуря брови, спросил Стас.

– Думаю, из коридора, – глубокомысленно предположил Зинин и снова налил обоим.

Алена с тревогой посмотрела на бутылку – водки там оставалось еще примерно на пару тостов, – и с надеждой полюбопытствовала:

– Ребята, а вы по домам не хотите?

– Хотим, – нетвердо согласился Стас. – Но не сейчас.

– Почему не сейчас? – удивился Зинин. – Я уже сейчас хочу.

Стас удивился еще больше:

– Сейчас?!

– Сейчас, сейчас, – торопливо подтвердила Алена. – Вы оба устали, переволновались...

– Ах, так это называется «переволновались»? – пробормотал Зинин. – Ладно, я запомню... Когда людей сжигают – это называется «переволноваться». Главное – не забыть. Стас, если что – напомнишь?

Пока шел этот содержательный диалог, Алена вынесла недопитую бутылку из зоны видимости и потихоньку начала вытаскивать Стаса из его кресла. Стас не сопротивлялся, но и не помогал, поэтому перевести его большое тело в вертикальное положение Алене никак не удавалось.

– Юрочка, ты мне поможешь его до квартиры довести? – жалобно попросила она. – Как-то сильно его... скосило. Даже странно. Сейчас на свежий воздух выйдет, совсем худо будет.

– Чему там было скашивать? – возразил Зинин, с кряхтением отрываясь от стула. – Меньше двух бутылок...

– Юр, ну ты ж понимаешь! Он и без водки сегодня так натерпелся...

– Он?! Это он натерпелся?! – изумился историк. – Ну, если ты это так называешь...

Они вдвоем с немалыми трудами убедили Стаса, что встать все равно придется, и, подпирая его с обеих сторон, двинулись в сторону выхода.

В коридоре им навстречу попался Артем. Он окинул мрачным взглядом обмякшую фигуру Стаса, застрявшую между двумя сгорбившимися фигурами помельче, но, вопреки своему обыкновению, помощи не предложил.

Как и предсказывала Алена, когда они вышли из здания в ночной парк, Стаса развезло окончательно. Зинин же, как ни странно, почти протрезвел, поэтому дорогу до институтского общежития они преодолели без серьезных затруднений. У входа в общежитие Зинин замешкался и вопросительно посмотрел на Алену:

– Ты его до квартиры сама доведешь, или мне все-таки подняться?

Сам Зинин, как и большинство вернувшихся три года назад из Долины, жил в своем старом доме. Те, чьи дома на Равнине не пережили последнюю волну дестабилизации, ныне обитали в специально выстроенных для них домах позади институтского парка. При этом у всех членов Совета, помимо их прежних обиталищ на Равнине, имелись еще и собственные дома в новом поселении – на случай, если они допоздна засидятся на очередном заседании в Зале Одобрения. Так что Зинину сейчас до вожаемой кровати оставалось идти не больше ста метров, а сегодняшнее место ночлега Алены он спрогнозировать не мог – потому и спрашивал.

Алена, естественно, незамедлительно вспыхнула всем своим галчачьим личиком и пробормотала:

– Я справлюсь, Юрочка, иди.

Зинин хлопнул напоследок дремавшего стоя Стаса по плечу, отчего тот покачнулся и удивленно открыл глаза, и излишне твердыми шагами двинулся в сторону своей «правительственной» резиденции.

Стас после потери равновесия неожиданно оклемался и даже сумел подняться по лестнице к дверям своей квартиры. Алена всего лишь страховала его движение: так, на всякий случай...

У двери она остановилась, смущенно глядя на Стаса. Тот поймал ее взгляд и нахмурился:

– Нет, Аленушка, нет. Ты идешь к себе домой. Сюда ты не заходишь. Может быть, завтра я к тебе приду.

Тут уж Алена залилась таким мучительным румянцем, что даже выступившие на ее глазах слезы, казалось, мгновенно высохли от этого жара. Конечно, за полтора года, в течение которых продолжались их странные отношения – небрежные со стороны Стаса и отчаянно-пре-

данные с ее стороны, – она лучше своего дня рождения запомнила: в квартиру, где Стас жил с Лилией, ей хода нет и никогда не будет. Тем не менее, каждый раз, когда Стас скрывался за дверью своего заповедника прежней счастливой жизни, Алена очередной раз умирала.

Стас предпочел не наблюдать дальнейшее развитие ее переживаний и, больше не оборачиваясь, закрыл за собой дверь.

16.05. За пять дней до...

...Тимофей не подавал признаков жизни уже больше десяти часов, и начавший волноваться Герман взял на себя смелость без приглашения заглянуть к нему в мастерскую.

Хозяин лежал в углу, свернувшись жалким калачиком, и его едва заметное дыхание перемежалось дрожащими всхрипами. То, что вся одежда Тимофея после его крамольных экспериментов оказывается насквозь пропотевшей, было Герману не в новинку, но пятна крови по всей рубашке и даже рядом с хозяйским телом на полу – это уже что-то новенькое.

Герман слегка качнул Тимофея за плечо. Тот с тихим стоном повернулся на спину, и эктор вздохнул: лицо, шея и грудь его хозяина были глубоко расцарапаны, а руки почти по локоть вымазаны кровью.

– Тим, – осторожно позвал Герман. – А, Тим?

В особых случаях подобная фамильярность ему позволялась, поэтому сейчас он мог в полной мере проявить свое сочувствие, не опасаясь ледяной отповеди или гневно вздернутых бровей Тимофея.

Тимофей с трудом разлепил глаза и долго блуждал отстраненным взором по стенам и потолкам, прежде чем сумел обнаружить в окружающем пространстве склонившееся над ним лицо его главного эктора.

– В душ? – сделав над собой немалое усилие, ободрительно улыбнулся хозяину Герман. – Или сразу в кровать?

– В душ... – выдохнул Тимофей. – Только мне самому не дойти.

– Опереться на меня тоже не получится? – деловито поинтересовался Герман, отключившись от своих малопродуктивных переживаний и сосредоточившись на практических заботах.

– Нет... наверное... Позови кого-нибудь.

Герман вскочил и что было сил ахнул молотком в металлический диск гонга. Через несколько секунд дверь тихо приотворилась, и в мастерскую заглянул немолодой встревоженный эктор.

Вдвоем они сумели достаточно бережно перенести хозяина в ближайшую ванную комнату – так, что Тимофей за время транспортировки всего пару раз болезненно охнул.

...Только после часа недвижимого лежания в исходящей жемчужным паром ванне Тимофею удалось полностью раскрыть глаза и сфокусировать взгляд на хранившем до сих пор укоризненное молчание Германе.

– Нечего так на меня смотреть! Я все равно буду...

Договорить Тимофею не удалось: он зашелся в тяжелом кашле, и грозный сдвиг бровей превратился в мучительную гримасу. Откашлявшись, он безнадежно дернул плечом и затих.

– Почему в этот раз так тяжело прошло? – симитировав свое обычное бесстрашие, спросил Герман. – Вы делали что-то более сложное?

– Ты не понимаешь... Тут нет сложного и несложного. Само делание всегда несложно: делаешь какое-то внутреннее усилие, и возникает то, что тебе нужно. Страшно то, что происходит перед этим...

– Так что же вы все-таки делали? – не отставал эктор, надеясь чисто практическими подробностями отвлечь хозяина от страданий.

– Сам корпус... Мне ведь осталось сделать не так много, но...

– Что – «но»? – с надеждой поинтересовался Герман, и Тимофей, уловивший этот оттенок надежды, строго взглянул на него.

– «Но» означает, что в этот раз все почему-то стало намного страшнее.

Пришел черед Германа вздергивать брови, хотя ему это делать было дозволено не более чем вопросительно.

– Да не могу я объяснить, как это! – с досадой бросил Тимофей. – Пытаешься это усилие сделать, и тут начинается... Такое чувство вины, что просто не представить, отчаяние, а ужас... Ужас просто дикий...

– Откуда кровь? Вы что, сами себя царапали?

– Царапал... – мрачно усмехнулся Тимофей. – Я себя драл, а не царапал. Думал, накажу себя заранее за то, что только еще собираюсь совершить, и меня отпустит. Черта с два! В общем, не могу я тебе объяснить. А теперь... Такими темпами мне еще не один месяц мучиться. Если б я мог хотя бы сделать весь аппарат целиком за один раз...

– А почему, кстати, вы не стали делать все сразу? – спохватился Герман.

– Где твои мозги, болван? – скривился Тимофей, и Герман с облегчением вздохнул: видно, хозяину начинало легчать.

– Ты меня сейчас видишь?! Ну и куда бы я улетел после такого? Самолет же сначала опробовать надо... А если вдруг что-то пойдет не туда? Это ведь совсем не так, как я в свое время первый самолет создал. Там все было легче некуда: проснулся, а во дворе самолет стоит. И заметь: это никого тогда не касалось!

– Но ведь в прежние разы было не так тяжело, – осмелился возразить Герман. Начнет хозяин орать – уже хлеб: значит, совсем отошел.

– Ну да, конечно, восемь миллионов рублей – это не то, что десять миллионов... Ты пойми, идиот: тогда, три года назад, мне создание чего угодно вообще ничего не стоило! А теперь представь: я валяюсь в истерике, вою от ужаса, и при этом пытаюсь создать что-то летающее?! Ты уверен, что все пройдет как надо, если я в таком состоянии? А если нет – что тогда? Я брякнусь посреди Равнины, меня подберут эти сволочные полицейские... Как Стасу удалось их себе подчинить, понять не могу! И вернут меня обратно на Землю, в этот тупой Советский Союз... Да что тебе говорить!

– Ладно, ладно, все понял, был глуп и неконструктивен, простите и не казните, – поднял руки Герман. – Кроме как по частям, никак невозможно. Здесь оставаться тоже никак невозможно. Остается один вопрос: почему сейчас стало настолько труднее?

– Ну наконец-то у тебя мозги зачесались, – с облегчением вздохнул Тимофей. – Это действительно вопрос... Ладно, я подумаю. Давай рассказывай: что на Равнине происходит? У Аськи был? Как она?

– Ася в порядке, – спокойно отрапортовал эктор. – Работает, ни на что не жалуется, никто ее не трогает.

– Привет передавала? – с невероятным безразличием проговорил Тимофей.

– Не передавала, – и Герман поспешил перебить сию печальную информацию другой, вполне способной отвлечь хозяина от тоскливых мыслей. – Есть другая новость: наш чистоплюй Стас оскоромился.

– В смысле – оскоромился? Он вроде как давно уже не чистоплюй: организовал двум слабакам верную смерть на Земле... – удивился Тимофей, в самом деле довольно легко переключившийся на обсуждение событий внутренней политики Равнины.

Герман загадочно ухмыльнулся:

– Ну, тогда это было не его руками. Он-то к тем смертям вроде как отношения и не имел: сначала Совет решил, потом морталы постарались...

– Я правда слышу то, что я слышу? Стас кого-то грохнул?!

– Сжег, – с плохо скрываемым злорадством подтвердил эктор. – Макса сжег. Тот сначала башню с телескопом без разрешения создал, а когда его в их тюремный вольер посадили, он там себе сперва кровать умудрился сотворить, а потом еще и дом. Тут уж Стас не выдержал – ну и...

– Откуда знаешь? – отрывисто спросил напрягшийся Тимофей.

– Один из экторов... ну, бывших ваших... нашему Анастасию рассказал. Он сам все это видел. Два дня терпел, а потом пришел и рассказал.

Тимофей недоверчиво прищурился:

– Я не понимаю, как это может быть: сначала кровать, потом прямо у Стаса на глазах – целый дом... Я тут полдня куском мяса валяюсь после каждого раза, а он – вот так запросто?!

– Понятия не имею, как это может быть. Полицейский ничего на этот счет не говорил, – пожал плечами Герман.

– Вели, чтобы Анастасий своего приятеля расспросил, как это происходило, – приказал Тимофей. – Значит, говоришь, это два дня назад было?

Герман кивнул, и Тимофей глубинно задумался.

– Я все понял, – удовлетворенно произнес он через пару минут.

Эктор изобразил лицом уважительное внимание, но его хозяин не стал спешить с разъяснениями. Он неторопливо выбрался из ванны и докрасна растерся грубой мохнатой рукавицей – там, где тело оставалось целым.

Повинуясь повелительному жесту, Герман обработал чем полагается раны и набросил на плечи Тимофею толстый мягкий халат. И только когда Тимофей с помощью своего верного эктора, продолжая покряхтывать и ругаться, добрался до кровати, он соизволил продолжить разговор:

– Смотри: три года назад весь здешний народ начинает создавать все что ни попадя – замечь, без всяких разрешений. При этом ни у кого даже мысли не возникает спросить чьего-то одобрения. Потом происходит то, что происходит: волна, сгорает Галилей, гибнут люди, рушатся одни горы, появляются другие... Большинство перебирается обратно на Равнину и пока еще продолжает творить все, что им заблагорассудится. Так?

Герман с молчаливым безразличием кивнул, понимая, что до самого интересного еще далеко.

– Потом внезапно появляется новый закон Равнины, назначается Совет – и все начинают просить у этого Совета разрешения создать лишнюю тарелку. А если кто-то, как я, пытается сделать это без разрешения... В общем, тогда получается то, что получается, – и Тимофей зло ткнул пальцем в свое исцарапанное лицо. – Ничего не напрягает?

Эктор снова кивнул.

– Однако некоторым удастся и создавать что-то без разрешения, и не мучиться при этом. Первых двух таких счастливиц Стас отправляет на Землю, а морталы обеспечивают им там быструю и гнусную смерть. Последнего он просто уничтожает. Вывод?

Герман медленно проговорил:

– Стас как-то обработал все население Равнины, чтобы они вели себя в точности так, как ему надо. Некоторые этой обработке не поддались, именно их он и уничтожил. И, видимо, собирается уничтожить в будущем.

– Все правильно. Ты у меня всегда был умный... А когда Стас на примере Макса окончательно понял, что его обработка подействовала не на всех – он провел эту самую обработку еще раз. Два дня назад, после того, как Макс уже был сожжен. Именно поэтому мне в этот раз было так плохо, – Тимофей помрачнел и снова задумался.

– Не факт, что он эту штуку не повторит еще и еще раз. И каждый раз мне будет становиться все хуже и хуже, и в конце концов я тоже начну бегать в Совет за их долбаным одобрением. И придется мне до конца времен остаться на этой долбаной Равнине и подчиняться этому долбаному Стасу, потому что никакого самолета уже точно не будет. Как тебе такая перспектива? – к концу своего яростного монолога Тимофей перешел на крик и на последнем вопросе изо всех сил шарахнул кулаком по одеялу.

Герман не спешил озвучивать свои соображения, желая дать хозяину возможность отыгаться за свои страдания последних часов – хотя бы и на одеяле. Но дальше тянуть было нельзя, и он бесстрастно резюмировал:

– Осталось понять, как именно Стас всех обработал. И если повезет, то получить возможность делать то же самое. А если уж повезет просто невысказано – то лишиться этой возможности его самого.

– Именно так, – торжественно объявил Тимофей и благостно развалился на кровати. – Именно так. И я, похоже, даже придумал, как это сделать.

13.25. За три дня до...

...Он открыл глаза и обнаружил себя стоящим перед своей дверью. Черт, почему он не помнит, закрывал ли ее, когда уходил? Ладно, неважно. Все равно после сегодняшнего дня ею больше никто не будет пользоваться. В самом деле, не поселится же здесь кто-то после того, что в ней совсем скоро случится?! Да и вообще – какая разница?.. Разве что-то сейчас еще может иметь какое-то значение?

Он решительно нажал ручку двери, и та легко поддалась. Вот почему он не помнил, закрывал ли ее утром. Видимо, решение было принято еще сегодня утром. Вот только почему он все-таки этого не помнит?..

Он вошел внутрь и внимательно оглядел квартиру

Странно. Сейчас сердце уже не сжимается, когда он видит ее любимый плед, по-прежнему накинутый на спинку кухонного дивана. С того дня три года назад он ни разу не коснулся этого пледа, да это и не требовалось: она все равно присутствовала здесь постоянно. Здесь был ее запах, ее мысли, ее улыбка... Здесь по-прежнему была даже ее отчужденность, когда он перестал давать ей основания его уважать. Она просто была здесь, и все.

Он прошел в кабинет. Здесь она тоже оставалась, и здесь, в кабинете все было намного хуже. Здесь, кроме нее, оставались десятки книг, которые тоже смотрели теперь на него с презрительной насмешкой. Они напоминали, что им он тоже врал. Их ожидания он точно так же не оправдал.

Впрочем, что это он? Они ему тоже вдали. Они вдали, что могут наполнить его жизнь смыслом. Собственно говоря, какое-то время они ее наполняли. Может, и не смыслом, но какими-то вопросами и делами – это уж точно. Просто этого не хватило на всю жизнь. Этого хватало, пока ему каждый день приходилось кому-то что-то доказывать, с кем-то драться, на кого-то злиться... А потом этого перестало хватать. Он привык считать, что мечтает делать нечто, о чем в книгах должно быть написано, просто пока никто еще не написал. А когда он начал это делать, ему вдруг стало неинтересно. Совсем неинтересно.

Пока она была здесь, разрыв с книгами и со всем тем, что было важно для него прежде, казался не страшным.

Потом ее не стало. Еще какое-то время он пытался вдогонку делать то, за что она все-таки могла бы его снова уважать. Это заменило и ее, и тоску по ней, и книги, и злость на себя...

А потом и этого не стало. То есть делать-то он продолжал, но это тоже перестало его занимать.

И только сегодня утром было наконец-то принято решение. Все же – почему момент его принятия напрочь выпал из памяти?..

Он походил еще немного по квартире, мимоходом отмечая места, которых он больше не увидит. Удивительно: он совсем не вспоминал то, что происходило с ним когда-то давно, в прежней жизни на той Земле. Может, боялся заманчивости идеи, которая могла бы возникнуть, если бы он все-таки вспоминал? Вдруг трусливая возможность воспользоваться картами Галилея заслонит собой утреннее трезвое и холодное решение?

Он решительно примерил эту возможность на себя: что ж поделаешь, если она пришла в голову – надо попробовать...

Ничего внутри сладко не замерло. Значит, зря боялся. Та Земля тоже не манит. Значит, все верно. Передумывать не стоит.

Тогда он снова вернулся на кухню и погладил-таки ее любимый плед – впервые за долгие дни.

Снова странно. Никакой реакции. Значит, совсем пора.

И он открыл дверь в ванную комнату

Вообще-то дурацкий способ, девчачий какой-то. Истеричный. Но все остальное по разным причинам тоже не подходило.

Он заткнул сливное отверстие пробкой и пустил воду. Машинально проверил, не слишком ли горячая. Смешно.

Некоторое время он раздумывал, стоит ли раздеваться, и решил, что не стоит. Первым хамом был Хам, который посмел смотреть на нагого отца. Вот и нечего искушать тех, кто найдет...

Воды все еще было маловато. Он равнодушно обругал себя: ведь был же на кухне, неужели сразу нельзя было нож захватить?! Придется вернуться.

Подходящий нож он выбирал долго. Почему-то казалось важным, чтобы его ладонь приняла рукоятку, как родную...

Наконец нож был найден, и он пошел обратно.

Теперь воды было достаточно, и он полез в ванну, больше всего боясь потерять равновесие, упасть, удариться головой и вслед за равновесием потерять сознание. Впрочем, не надо кокетничать: он был уверен, что этого не случится. Все будет в точности так, как должно быть.

Оказывается, довольно противно ложиться в ванну полностью одетым. Ничего, это уже тоже неважно.

И он спокойно, даже не морщась, полоснул ножом себе по запястью. Пару секунд подумал и для надежности резанул еще раз – по сгибу локтя.

Удивительно: это оказалось почти совсем не больно. И уж точно не страшно. Страшно было бы, если бы он не смог этого сделать. Но он не сомневался, что сможет – потому, наверное, и больно не было.

Когда в ушах уже послышался далекий, но постепенно приближающийся гул, он опустил глаза на воду. Может, хоть багровая вода его испугает? А то как-то обидно уходить, когда совсем ничего не чувствуешь...

13.30. За три дня до...

...Она, запыхавшись, вбежала в общежитие и быстро оглянулась по сторонам. Конечно же, никого вокруг не было – да и быть не могло. Все работают, как же иначе?

Сегодня все вообще складывалось как нельзя лучше. Пятнадцать минут назад она, прячась за деревьями, своими глазами видела, как взлетал Стасов самолет. Стас не так часто теперь летает в Долину: слишком мало осталось там тех, с кем он еще хоть как-то общается. Но внезапно ей повезло: он улетел. Хотя... Чему тут удивляться? Разве сегодня могло быть иначе?

Она быстро взбежала по ступенькам, то и дело тревожно оглядываясь и уговаривая себя, что делать этого не стоит.

Когда она оказалась на третьем этаже, страх быть увиденной уступил место куда более сильной тревоге. Она даже остановилась у входа в коридор и прижалась к стене, упершись в нее повлажневшими ладошками.

Но ведь она не собирается делать ничего плохого, правда! Она хочет просто посмотреть, и все. Да, конечно, Стас давным-давно ей это категорически запретил – но это ведь совсем другое! Она не собирается заходить туда вместе с ним, сидеть на тех же стульях, лежать на той же постели... Даже трогать Ее вещи она не собирается. Она хочет всего лишь посмотреть, как он живет сейчас – ей этого будет достаточно. Просто посмотрит, и все. Только бы дверь была открыта...

В конце концов ей удалось справиться с внутренним укоряющим голосом, и она не слишком уверенными шагами двинулась к желанной двери.

Ручка двери подтвердила ее самые радужные надежды: сегодня все и всё – на ее стороне. Дверь открылась так же осторожно, как она ее открывала, словно бы доказывая абсолютную невинность ее намерений.

Она очень медленно вошла внутрь, не сразу решившись поднять взгляд. Когда-то раньше, когда Она еще была жива, ей довелось побывать здесь, поэтому сейчас, даже глядя в пол, она хорошо представляла себе, что увидит, когда осмелится оглядеться.

Конечно же, именно это она и увидела. Кухня, бывшая в Ее времена уютной, а сейчас какая-то неприкаянная. Все вымыто, аккуратно – но все равно пусто и тоскливо.

Единственное теплое пятно здесь – мягкий плед в нежно-лиловых тонах, со знакомым небрежным изяществом брошенный сбоку на спинке дивана. Наверняка так его бросила еще Она – видимо, за пару дней до своей смерти. Можно поспорить, что Стас с тех пор его даже не касался.

Очень хочется потрогать плед, но она ведь давала сама себе слово, что не будет трогать Ее вещи. Наверное, на Ее вещи даже смотреть подолгу нельзя: Стасу бы это не понравилось.

Она неспешно прошла по кухне, ласково скользя ладонью по всем поверхностям и задерживая пальцы на всех предметах, находившихся в открытом доступе предметов. Кофеварка, полотенце, почему-то открытый ящик с вилками и ложками... Заглянула в холодильник, жадно наполняя память видом всего того, что Стас ест: утром, вечером, в обед – когда бывает днем в квартире...

Зашла в спальню, но находиться там не смогла. Даже взгляд поднять не рискнула: слишком остро защемило в сердце. Придумала сама себе шум, который послышался из коридора, и поспешно вышла из комнаты, где Ею пахла каждая мелочь.

Бедный Стас! Даже ей сейчас очевидно, что вся эта квартира до краев полна Ею – как же он-то умудряется здесь жить?! Может, он с тех самых пор и не спит здесь? Все-таки стоило повнимательнее рассмотреть спальню...

Она добралась до кабинета. Здесь Ее было меньше, но и Стасом особо не пахло. По всей квартире его запах был повсюду – так же, как и Ее, – а в кабинете почему-то пахло чуть иначе. Пахло так, как будто бы здесь проводит много времени он, но не его душа. Так где же в этой несчастной, измученной квартире обитает его душа? Ведь именно за этим она сюда пришла, невзирая на Стасов категорический запрет.

Она пошла по кабинету – так же, как и в кухне, оглаживая мебель, книги, запыленные листы исписанной бумаги, разбросанные по столу ручки... Наверное, к ручкам он тоже давно не прикасался: изгрызенные их наконечники были белесыми и давно высохшими. Заглянула в написанное: Стас, конечно, гений, но ведь когда-то она занималась тем, чем и он – может, удастся хоть что-то понять?

Понять не удалось: листы были разрознены и почти все не дописаны. Она с сожалением отошла от стола и снова придумала себе тревожащий звук в коридоре.

Вышла и огляделась. Разумеется, примерещилось. Да и кто бы здесь мог сейчас шуметь, если Стас наверняка уже в Долине?

Бешено колотящееся внутри сердце с тоской отсчитывала последние минуты пребывания в запретной квартире. Сама себе она отвела ровно пять минут: большее казалось грехом досужего любопытства.

Оставалась только ванная комната. Она находилась в самом дальнем конце коридора, вдалеке от жилых помещений. Интересно, почему Стас намечтал себе именно так? Может, ему нравилось слушать, как Она после душа шлепает босыми влажными ногами по полу? Хотя нет, когда все это в голове у Стаса складывалось, он Ее еще вообще не знал: это ведь было давным-давно, еще на той Земле...

Она медленно, изо всех сил оттягивая момент, когда завершится экскурсия в закрытую для нее часть Стасовой жизни, двинулась туда, к двери, терявшейся в полутьме.

У двери задержалась и прислушалась. Казалось, внутри что-то капало. От умиления у нее защипало в ноздрях: наверное, Стас, уходя, не до конца завернул кран. Сейчас капающая вода казалась странной ниточкой, связывающей ее с утренним Стасом: еще не проснувшимся, отчаянно морищащимся...

И она быстро распахнула дверь, не желая терять драгоценные оставшиеся секунды.

В следующий миг она чуть не упала: так стремительно ослабли ноги, когда она увидела ванну, наполненную темно-багровой водой. Над лоснящейся поверхностью оставались только полужакрытые глаза Стаса, в которых уже истаявали последние отблески жизни.

Она метнулась к ванне, но несколько секунд ее слабости в дверях решили дело: глаза Стаса закрылись, и его лицо полностью погрузилось под воду. Она упала на колени перед ванной и протянула руки к густой кровавой жиже, но с удивлением обнаружила, что ее руки выглядят как-то странно: они налились молочной белизной, потом начали становиться будто бы прозрачными...

Только быстро мутнеющему сознанию она приписала увиденное дальше: ее руки почти перестали быть видимыми еще до того, как погрузились в багровую воду...

14.30. За три дня до...

Стас выбрался из самолета и неторопливо пошел навстречу Зинину, сидевшему на корточках у ограды институтского парка.

– Меня встречаешь или просто кариатидой работаешь?

– А почему не атлантом? – с несколько уязвленным видом поинтересовался Зинин, нехотя открывая зажмуренные от яркого солнца глаза.

– Не тянешь, – коротко ответил Стас, протягивая руку, чтобы помочь историку подняться.

Тот, кряхтя, распрямил ноги сам, игнорируя протянутую ему руку.

– Понял, – безразлично пожал плечами Стас и повернул в сторону калитки, ведущей в парк.

Зинин двинулся за ним.

– Как там в Долине?

– Как всегда, болото, – не оборачиваясь, на ходу бросил Стас.

– Зачем ты тогда туда летаешь? – не отставал историк.

Последовал немногословный ответ:

– Надо, – и Зинин наконец-то счел за лучшее умолкнуть, хотя удовольствия ему это явно не доставило.

Спустя пару минут, когда они уже миновали вольер, Стас остановился и в упор глянул на Зинина:

– Так зачем все-таки ты меня встречал?

– А какие есть варианты? Поговорить хотел.

– Тогда пошли ко мне.

– А почему не в институт? – прищурился историк.

Стас вздохнул и снова зашагал в сторону общежития:

– Надоела мне укоризненная рожа Артема. Хоть бы вопросы задавал, что ли... Или просто сказал бы вслух, что я – полное дерьмо.

Зинин усмехнулся и тоже тронулся с места, даже не пытаясь догнать Стаса, чьи длинные ноги все равно были очевидно быстрее.

До самого общежития они молчали: Стас – чуть впереди, скептически настроенный Зинин – в нескольких шагах позади.

У двери в свою квартиру Стас слегка замешкался, шаря по карманам.

– Черт, куда я ключи задевал? – с досадой пробормотал он.

Он долго и методично обследовал все имевшиеся в его одежде карманы. Зинин немного подождал и сполз вниз по двери. Впрочем, снова оказаться на корточках ему было не суждено: дверь неожиданно открылась, и донельзя изумленный историк впал внутрь Стасова жилища.

Им обоим потребовалось какое-то время, чтобы осознать происшедшее. Стас был изумлен фактом незапертости двери, а Зинин – общим коварством реальности.

Первым с изумлением справился Стас: он перешагнул через продолжавшего лежать на спине Зинина, обернулся закрыть дверь и с любопытством поинтересовался:

– Одеяло принести?

Пока историк подымался с пола, Стас уже включил кофеварку и теперь задумчиво смотрел в окно.

– Я точно помню, что запираю дверь. И точно помню, что клал ключ в карман брюк, – сам себе недоверчиво сообщил он.

– Положим, ключ мог просто выпасть в самолете, – отряхиваясь, предположил Зинин.

– А дверь тоже могла просто открыться? – возразил Стас, вернулся к двери и начал внимательно осматривать замочную скважину.

Не найдя никаких следов взлома, он еще более озадаченным вернулся на кухню.

– Пошли, – позвал он. – Квартиру осмотрим.

Они вышли в коридор, и Стас тут же застыл на месте. Замешкавшийся Зинин чуть не врезался ему в спину и настороженно прошептал:

– Ты чего?

Стас ответил – тоже почему-то шепотом:

– Свет в ванной. И дверь приоткрыта.

Они помолчали, изо всех сил прислушиваясь. Тишину нарушал единственный звук: похоже, в ванной капала вода. Зинин на несколько секунд прикрыл глаза, потом глянул на Стаса и уверенно сказал:

– В ванне – вода.

– Чего ты орешь? Сам слышу, – поморщился Стас.

Зинин послушно снова перешел на шепот:

– Да нет, я имею в виду – вода из крана капает не в раковину, а в воду. Ты что, оставил в ванне воду?

Стас, забыв об осторожности, быстро зашагал в сторону освещенного конца коридора. Зинин на всякий случай остался на месте, готовый в любой момент отскочить куда-нибудь в сторону.

Стас резко распахнул дверь, и его фигура на миг замерла в светлом дверном проеме. Потом он, не оборачиваясь, позвал историка каким-то ненатуральным голосом:

– Иди сюда.

Зинин не слишком решительно подошел и тоже заглянул в ванную.

– У тебя в ванной вино, что ли? – озадачился он.

– Запах не узнаешь? – сердито огрызнулся Стас. – Это кровь.

Зинин принюхался и наконец все-таки удивился:

– Откуда тут кровь?

– Меня больше интересует, чья это кровь, – себе под нос проговорил Стас и подошел поближе.

Ванна была действительно полна воды, судя по цвету, смешанной с кровью чуть ли не пополам.

– Вот черт! – потрясенно прошептал Зинин.

Стас с силой дернул за цепочку затычки и зло спросил:

– Сейчас-то ты чего шепчешь?! Нет же никого.

Вода, остро и дразняще пахнувшая свежей кровью, быстро уходила, теряя насыщенность цвета, и через минуту сквозь нее стал виден лежащий на дне ванны кухонный нож.

Мужчины озадаченно переглянулись.

– Нож-то хоть твой? – любопытствовал Зинин, и Стас сквозь зубы процедил:

– Мой, а то чей же?

– Уже легче... – пробормотал историк, и Стас кинул на него обозленный взгляд.

– Иди в комнату, я сейчас, – приказал он, и историк моментально и с удовольствием исчез.

Стас яростно оттер каким-то чистящим порошком ванную, все еще сохранявшую красноватый оттенок, потом долго мыл под струей воды нож. Тщательно вытер его первым попавшимся под руку полотенцем и сразу же бросил оскверненное полотенце в корзину для грязного белья.

С ножом в руке он ворвался на кухню, швырнул нож в раковину и раздраженно бросился на диван рядом с притихшим Зининым.

– Идиотская шутка! Какой кретин мог это устроить?!

Зинин негромко ответил:

– Желающих – вся Равнина. Выбирай любого, не ошибешься.

Стас изумленно уставился на него:

– Ты про что, дорогой?

– Я, конечно, не знаю, что имелось в виду... Но предполагаю, что желающих тебя убить здесь больше, чем каждый второй.

– Да почему?! – несказанно удивился Стас. – Думаешь, они все так уж скучают по тем благостным временам, когда им не требовалось разрешение Совета, чтобы что-нибудь сотворить? Да они все добровольно приходят!

– Не сомневаюсь, – ровным тоном согласился Зинин. – Я не про то.

Стас картинно вздернул брови и саркастически спросил:

– Да? А про что же? Ты уж поясни, будь так любезен.

Зинин покосился на него и усмехнулся:

– Стасик, милый, все ведь прекрасно понимают: главный на Равнине – ты. Ты – единственный, кто может иметь все, что пожелает, и ни за что при этом не отвечать. Ты – тот, кто устанавливает правила. Думаешь, мало охотников занять твое место? Каждый же уверен, что был бы лучшим правителем, чем правитель действующий. Так было всегда, чему ты удивляешься?

– Ты тоже в этом уверен? – недобро прищурившись, спросил Стас.

Зинин развернулся к нему, вальяжно раскинувшись на диване:

– А как тебе кажется?

Какое-то время они смотрели друг на друга, но первым взгляд отвел Стас:

– Кажется, что уверен, – подавленно проговорил он.

– Правильно кажется, – кивнул историк. – Можешь не сомневаться.

– То есть ты тоже хотел бы меня... убить? – Стас говорил бесстрастно, только опавшие и слегка подрагивающие уголки рта выдавали изобилие метавшихся у него внутри чувств.

Зинин с некоторым облегчением выдохнул и расслабился, только сейчас поняв, какое напряжение владело им во время дуэли взглядами.

– Ну, не так кардинально, конечно... Но я действительно уверен, что на твоём месте я справился бы намного лучше. Во всяком случае, без жертв и массового внушения.

– Какого внушения? – немедленно насторожился Стас.

– Да брось ты, – с досадой скривился историк. – Я же не идиот. И Буряк не идиот. Иначе с чего вдруг все жители Равнины стали бы таскаться в Совет по поводу и без повода? И с чего бы им вдруг всем приспичило просить у нас разрешения на каждый чих? Мы не знаем, как ты это сделал, но это ведь наверняка твоих рук дело, правда?

– Ладно, проехали, – поморщился Стас. – Вернемся к началу. Ты хочешь сказать, что кто-то из здешних этой идиотской кровавой ванной мне угрожает?

– Скорее, не угрожает, а информирует о своих намерениях, – пожал плечами историк. – Мне почему-то именно так кажется.

– Ох, забавно дождик каплет... То есть они страстно благодарят, когда мы им что-нибудь разрешаем, смиренно принимают, когда мы им отказываем...

– Вообще-то разрешает и отказывает Совет, в который ты неходишь, – флегматично вставил Зинин, рассматривая давно готовую к услугам кофеварку. – Может, все-таки угостишь кофейком?

Стас, даже не услышавший реплику Зинина, сосредоточенно продолжал:

– А сами в это время придумывают, как меня грохнуть?!

Зинин тяжело вздохнул и решил обслужить себя сам. Он поднялся с дивана, подошел к кофеварке и, не оборачиваясь, спросил:

– Сам-то кофе будешь?

– Да вари уже! Буду, – с досадой отмахнулся Стас.

Зинин аккуратно установил на нужное место две чашки, нажал нужную кнопку и только потом продолжил:

– Я не думаю, что все именно так, как ты говоришь. Скорее, эта мечта у них маячит где-то на задворках сознания... Так, легкий флёр ненависти. Ну и зависти, конечно. А может, как раз в первую очередь зависти.

Он перенес исходящие ароматным паром чашки на стол и наконец-то слегка удивился:

– А чего ты, строго говоря, паришься на эту тему? На твое счастье, ты парцел – как тебя убить-то?

Стас одним махом проглотил весь кофе и сердито возразил:

– Что-то я не помню, как это помешало Максову ружью убить парцела Василёва. А теперь подумай сам: было как минимум три человека, которые смогли что-то создать без разрешения Совета. Ты совершенно прав: в Совет за разрешением приходят те, которые не способны не прийти. Но с чего ты взял, что больше никто не сможет того, что смог Макс? А есть еще радикалы-галилеанцы, которые попрятались в пещерах... Они ведь как-то сумели преодолеть запрет на галилеанство? Так что помешает им смочь еще что-нибудь запрещенное?!

Зинин не спеша допил свой кофе, поставил на место вымытую чашку, обернулся и внимательно посмотрел на Стаса.

16.10. За три дня до...

...Он очень спешил. Он никак не мог понять, почему не сделал этого раньше. В самом деле, ведь это же так очевидно: он дал людям религию, он дал им веру и надежду – а потом вдруг легко согласился с тем, что эту веру кто-то запретил. И этот кто-то явно не имел на это прав, потому что – у кого такое право вообще может быть?!

А теперь необходимо спешишь, иначе все, кто ему верил, сочтут его дешевым трусом или даже обманищиком. Может быть, они уже его таким считают, так что тем более надо спешишь. Невыносима была сама мысль, что он, властитель дум, которому верили почти все живущие на Равнине, может выглядеть в их глазах вруном и трусом.

Именно поэтому он очень торопился. Он даже не стал намечать себе маршрут: решил просто заходить по очереди во все дома галилеанцев, какие будут попадаться ему на пути.

И первым таким домом стал тот, где жили забавные и симпатичные казаки – Антон и его суровая супруга Ульяна. Они были одними из первых, кто примкнул к галилеанству, поэтому их-то уж точно нужно вернуть в первую очередь.

Он быстро прошел через обильный сад к хорошо знакомому дому и неуверенно постучал в дверь.

Сейчас даже ждать разрешения войти было невыносимо: каждая минута только укрепляет его бывших сторонников в его предательстве и никчемности...

Как только из-за двери раздалось густое контральто Ульяны Петровны, позволяющее неизвестному пока гостю перешагнуть порог дома, он почти ворвался внутрь и прямо с порога возбужденно заговорил:

– Здравствуйте, Ульяна Петровна! Простите, мы так давно не виделись...

Говоря это, он торопливо шагал по коридору, заглядывая во все двери в поисках обитателей усадьбы. Наконец он добрался до любимого, как ему было известно, места супругов-казаков – до кухни. Именно здесь проходила почти вся их жизнь, посвященная разнообразной переработке того, что приносило им хозяйство. Сейчас они оба возились с персиками, заполонившими все рабочие поверхности. Помнится, раньше он очень любил их персиковое варенье с ломтиками лимона и имбиря.

Увидев неожиданного гостя, Ульяна Петровна, стоявшая у стола с закатанными рукавами и в лихо закрученном на голове пестром платке, распрямилась и устремила на вошедшего грозно-ледяной взгляд. Ее муж, тащивший в угол кухни очередную закатанную банку (насколько можно было судить, как раз с тем самым вареньем), изумился так, что банка чуть не окончила свою жизнь на полу. В последний момент Антон спохватился и все-таки успел ухватить выскальзывающую банку за крышку.

– Добрый день, мои дорогие! Если бы вы только знали, как я рад вас обоих видеть! Мне так стыдно... Мне просто нестерпимо стыдно за то, что я так долго не приходил. Вы, наверное, давно уже думаете обо мне хуже некуда, верно? И я действительно виноват, виноват так, что и сказать нельзя...

Он говорил все это торопливо, мечась ищущим взглядом с гневного лица на растерянное и обратно.

– Мы с вами не должны потерять то, что у нас было! А ведь галилеанство было для нас с вами всем, правда? И сейчас оно – единственное, что может нас спасти...

Он бы говорил и дальше – в надежде, что они услышат его, поверят ему, простят, – но его остановил рокошующий возмущением низкий голос хозяйственной казачки:

– И ты смеешь говорить нам все это? Ты обещал дать нам покой без смертей и крови – и что? Зачем мы полетели в Долину? Ты врал, что наши главный враг – Стас, но на самом деле ты просто хотел заставить его верить, что главный здесь – это ты! Если бы ты не повез

нас тогда в Долину, все были бы живы. Мы поверили тебе, а ты нас просто кинул. Теперь мы живем мирно, а ты, небось, снова собираешься уверять нас, что во всем виноват Стас? Испугался, что мы будем думать о тебе плохо? Правильно испугался: мы считаем тебя лицемерной и трусливой сволочью. И не смей больше показываться здесь, слышишь? Вон из нашего дома! Немедленно!

– Улечка, ну что ты? – торопливо забормотал Антон, кидая несчастные взгляды то на свою темпераментную супругу, то на незваного гостя.

– Молчи, Антон! – оборвала его Ульяна. – Ты сам знаешь, то я права. Мы тысячу раз с тобой об этом говорили, так что молчи, я тебя прошу.

...Он чувствовал себя уничтоженным. Внутренне он просто корчился от ужаса, когда представлял себе, каким ничтожеством выглядит в глазах своих прежних преданных сторонников. Он подозревал, что в каждом следующем доме ему предстоит пережить такое же унижение, но выбора у него не было. Он просто не может не обойти всех, чтобы попытаться добиться помилования. Нельзя, чтобы люди считали его тем, кем они считают его сейчас...

16.30. За три дня до...

...Выпроводив Зинина, Стас долго бродил по пустой квартире.

Собственно говоря, ничего нового хитрый историк не сказал. Пьяному ежику понятно, что властителю всегда завидуют и всегда хотят занять его место. Просто раньше, до дурацкой ванны с кровавой жижей, можно было надеяться, что эти всеобщие стремления запрятаны слишком уж глубоко, чтобы их стоило опасаться. Чтобы уберечь себя от различных придурков, достаточно жестко настроить экторов-полицейских на поиск любых, самонаименованных несанкционированных сотворений чего бы то ни было. А еще нужно поддерживать в членах Совета готовность строго и неотступно соблюдать закон.

В самом деле, ведь если подумать, то он добивается всего лишь неукоснительного соблюдения закона. Да, конечно, этот закон был введен им самим – но вовсе не на пустом месте. В сложившихся тогда, три года назад обстоятельствах такой закон был единственным, что могло бы уберечь Другую Землю от новых волн дестабилизации.

Конечно, обстоятельства сложились так, а не иначе, только из-за глупости, которую он, Стас, себе позволил. Наделять всех жителей Другой Земли той способностью, которая изначально была дана только ему, было невероятно глупо. Довольно противно знать, что оказался способен на такую тупость. Но у него тоже никто не спрашивал, хочет ли он быть исключительным, может ли он им быть, готов ли он брать на себя власть над теми, кто этой способностью не наделен... Тогда с какого рожна он один считается ответственным за все, что он натворил – по глупости и неуверенности в своем праве повелевать?!

Он сделал неверный шаг, это правда. Теперь он разбирается с последствиями этого неверного шага. И если для этого ему придется в глазах всей Равнины или даже всей Другой Земли быть гадом и мерзавцем – пусть так. Лилия его поняла бы. Она была настоящей приоркой и не могла не уважать тех, кто осмеливается быть сильнее прочих и этими прочими управлять.

Значит, черт с ними со всеми. Если Зинин и Буряк хотят продолжать изображать из себя праведных судей – черт с ними тоже. Делай что должно, и будь что будет. Не самый плохой девиз, между прочим.

И Стас решительно вышел из квартиры.

Войдя в свой институтский кабинет, он запер за собой дверь и выглянул по очереди в каждое из окон.

За окнами было пусто, и никто не обнаруживал своего намерения подсмотреть за тем, что Стас собирался сейчас сделать. На всякий случай он приоткрыл каждое из окон, чтобы можно было расслышать любой шорох снаружи, буде он все-таки случится. Теперь можно было считать, что его тайна более или менее в безопасности.

В последний раз оглянувшись на окна, Стас подошел к стене у камина, присел и повел пальцами по плинтусу справа от каминного жерла. В какой-то момент плинтус под его пальцами вздрогнул, и часть его плавно поехала, оказавшись передней стенкой ящичка, уходящего глубоко в стену.

В ящичке лежала толстая потрепанная тетрадь, всем своим видом наводившая на мысли о древних манускриптах. Снова оглянувшись, Стас с предельной осторожностью извлек тетрадь из ящичка и уселся в кресло, в котором Лилия сидеть не любила – спиной к окну.

Каждый раз, открывая эту тетрадь, Стас не мог избежать воспоминаний о тех страшных днях три года назад – после волны, после смерти Галилея, после смерти Лилии... Это уже стало почти что ритуалом: сначала перебрать в уме все, что началось в момент появления угрожающе-фиолетового самолета Тимофея и закончилось трупами среди руин, – и только потом начать перелистывать ветхие страницы тетради.

Вот и сейчас: Стас уселся в кресло с яростной решимостью сразу найти в рукописи нужное место, но стоило ему провести пальцами по потрескавшейся жесткой кожаной обложке – и перед глазами возникло неподвижное тело Лилии, над которым стоит на коленях такой же неподвижный, но все-таки живой Буряк.

Он постарался как можно быстрее пролистнуть в памяти первый день новой эры – эры его абсолютного приорского одиночества без Лилии, – и перейти к не таким кровотокающим воспоминаниям...

...Когда первый разбор завалов был завершен, а все погибшие похоронены, над разрушенной чашей Долины уже стояло полуденное солнце следующего после волны дня. Стас тогда предпочел уйти в южную, самую безлюдную часть бывшей Долины. Там никто не жил, и туда почему-то даже почти никто никогда не ходил.

Он долго бродил среди огромных деревьев – и вывороченных с корнем, и мужественно устоявших – и пытался снова и снова прокрутить в уме все происшедшее, чтобы в него поверить. Помнится, тогда он еще не думал о том, как будет жить теперь, когда рухнуло все: и их жизнь с Лилией, и его жизнь с прежним собой. Наверное, именно тогда он до самых желудка и селезенки осознал все, что имели в виду и Лилия, и Зинин, и даже Буряк: он должен начать отвечать за тех, кто ему поверил.

Вернулся в поселок он только поздно ночью, когда все уже улеглись спать – впрочем, может быть, не спать, а плакать, но ему это было неважно. Попытался было войти в матушевский дом, но не смог: он еще не настолько уложил у себя в голове мысль, что Лилии больше нет.

Спать, однако, хотелось страшно – до того, что ноги подкашивались, и зрение слабело. Тогда он решил переночевать в самолете: еще когда разбирались завалы, стало ясно, что самолет совсем не пострадал.

Забрался в самолет и понял: там ему тоже не уснуть. Казалось, что каждое кресло пахнет Лилиными волосами – хотя она, конечно же, наверняка не сидела на всех креслах в салоне.

Он растянулся на полу, но сон все равно не шел. Повертевшись полчаса, он пришел в холодное бешенство, вскочил и ринулся в кабину. Поднял самолет вверх и начал круг за кругом облетать всю чашу Долины, которая сейчас сверху больше напоминала не чашу, а круг из неровных камней, выложенный на песчаном пляже. Луна в тот день была почти неестественно яркой, и при ее свете развалины выглядели на удивление романтично.

На десятом витке рассматривать руины ему надоело, и он направил самолет в сторону Равнины. Только через пару минут он понял, что летит во вполне определенную точку: ему вдруг захотелось посмотреть (в последний, наверное, раз) на бывшее жилище Галилея.

По пути он довольно равнодушно отметил про себя, как изменились очертания Вторых гор. Когда же его самолет замер, как всегда, в полуметре над землей, он вышел и обнаружил, что стоит у подножия того, что не так давно было Первыми горами. Теперь это была не сплошная горная гряда, а, скорее, частокол из полуразрушенных каменных пиков разной высоты.

Там, где жил Галилей, как раз высились два таких пика, а на месте самого жилища зияла огромная пещера почти во всю высоту сохранившейся скалы, напоминавшая гигантское, сильно вытянутое вверх яйцо.

Это было величественное зрелище: овальный проход не более десяти метров в ширину и почти километр в высоту, прорубленный в узкой скале. Видимо, на вершине скалы – там, где когда-то находился телескоп Галилея – образовалась большая дыра, и в пещеру струился яркий лунный свет.

Вопреки ожиданиям, внутри пещеры почти не было каменных обломков и даже пыли. Небольшое каменное возвышение в самом ее центре под серебристым потоком лунного света выглядело, как бесхозный пьедестал сбежавшей статуи.

Стас, вздрагивая от гулко-го эха собственных шагов, пересек освещенное пространство и подошел к возвышению, верх которого находился на уровне Стасовой груди.

У него замерло сердце, когда он увидел, что на поверхности возвышения лежит большая тетрадь в обложке из твердой тисненой бычьей кожи, с обтрепанными краями и толстыми от старости страницами. Поверх тетради лежал небольшой кусок пергамента, на котором каллиграфическим почерком было выведено «Propter Stanislai».

Стас будто бы услышал, как во время их первой встречи с Галилеем тот обращался к нему своим хрипловато-скрипучим голосом «Станіслав» – именно с ударением на втором слоге, а не так, как произносилось его имя на современной Земле. «Для Станіслава».

Было решительно непонятно, как все это могло произойти: горы рухнули, а в пещере уцелело в полной чистоте и неприкосновенности послание Галилея ему, Стасу. Ведь не мог же Галилей знать, что ему предстоит сгореть, и подготовиться к этому, оставив своему горепотомку некое загадочное наследство!

Или мог? А если мог – тогда зачем он вообще оказался в Долине? Может, он был уверен, что смерть неизбежна?

Стас тогда постарался пресечь поток все возникавших и возникавших вопросов, поскольку поиск ответов на них представлялся явно безнадежным. Конечно же, он захватил тетрадь с собой – но полетел с ней не в институт и не на развалины Долины: он улетел тогда очень далеко, в район того, что посчитал Четвертыми горами, отстоявшими от Третьих километров на сто.

Эти предполагаемые Четвертые горы не так сильно пострадали от дестабилизации, как все остальные, и Стасу удалось найти практически не тронутый разрушением уголок. Там он и провел еще два дня, с трудом расшифровывая старинные письма Галилея – то латинские, то староитальянские.

В тетради были чертежи каких-то изобретений, разобраться с которыми Стас так и не смог, соображения Галилея по поводу происходившего на Другой Земле на протяжении четырех веков ее существования, описания возможностей, которыми обладал сам Галилей на Другой Земле...

С какого-то момента на страницах начало мелькать его, Стаса, имя. С удивлением Стас обнаружил, что многие из его поступков Галилей предсказал за много лет до того, как Стас оказался на Другой Земле – и даже за много лет до того, как он вообще родился. Правда, Галилей поначалу не называл по имени человека, который все эти поступки совершит, но тема правого инфинита звучала неизменно – просто до поры до времени было непонятно, кто именно будет этим инфинитом обладать.

Поразило Стаса и то, как долго Галилей держался и не осуждал своего беспутного потомка. Раз за разом оказывалось, что Галилей рассчитывал на какие-то решения и поступки Стаса, но Стас действовал совершенно иначе, и Галилей умудрялся находить этому какие-то оправдания.

Последней каплей, как Стас и ожидал, стало его решение наделить одновременно всех живущих на Другой Земле способностью создавать желаемое. После этого Галилей уже перестал оправдывать все деяния своего неразумного потомка.

В конце концов Стас обнаружил на страницах тетради прямое обращение Галилея к нему. Вначале ему показалось, что речь снова идет о каком-то неподвластном гуманитарному уму техническом изобретении. Вскоре обнаружилось, что изобретение было не техническое, а скорее... волшебное, что ли: Галилей пытался создать некий артефакт, который давал бы его обладателю силу управлять чужими мыслями и даже желаниями, и подробно описывал свои действия по его созданию.

Когда Стас это понял, то начал с замиранием сердца листать страницы все быстрее и быстрее, стараясь понять, удалось ли Галилею осуществить свой план. Время от времени он ловил себя на слегка снисходительном отношении к Галилеевым попыткам: ведь теперь он

знал, насколько просто создать любую волшебную возможность. Но каждый раз он со стыдом себя одергивал: он-то свою способность получил уже в готовом виде...

Разумеется, Галилею все удалось, и он создал Власть-камень: именно так он назвал сотворенный им артефакт. В тетради имелось подробное описание того, какое влияние Власть-камень оказывает на людей, как им следует пользоваться и какие меры предосторожности следует соблюдать. Сам же Власть-камень (об этом тоже говорилось в рукописи) находился как раз внутри находившегося перед Стасом постамента: старый итальянец не поленился устроить там некое подобие каменного сейфа.

Эта часть записей была сделана на латыни – судя по всему, для дополнительной страховки от постороннего любопытного взгляда. С учетом дотошности Галилея можно было не сомневаться: используя такую страховку, тот наверняка заранее убедился, что ни один человек на Равнине, кроме Стаса, латынью не владеет.

Собственно, на этом записи в тетради и заканчивались – если не считать последних фраз. В этих фразах содержалось печальное напутствие Галилея Стасу. Стас читал его с некоторым смущением: почему-то ему казалось, что он подсматривает в замочную скважину, хотя никаких оснований для этого вроде бы не было. Если с грехом пополам перевести витиеватый старинный текст на современный язык, то там было написано примерно следующее:

«Станислав, ты совершил на Другой Земле много ошибок, и исправить их уже не сможешь. Я почти уверен, что новых ошибок ты не совершишь, но постарайся свести к минимуму последствия ошибок прежних. Иначе я никогда не смогу быть спокоен там, где я буду: мне не хотелось бы навсегда остаться тем, кто поселил в раю чудовище ада».

Стас тогда даже фыркнул от злости: ничего себе метафоры! Помнится, никто милого предка не просил ни о правом инфините, ни вообще о переселении на Другую Землю. Однако на протяжении трех последовавших за этой ночью лет он регулярно вспоминал и перечитывал эти слова, ища в них одобрения своим поступкам.

...С трудом вынырнув из ставших привычными, но оттого не менее мучительных воспоминаний, Стас все же заставил себя поднять тяжелую обложку и найти нужное место в Галилеевой тетради. Ему хотелось еще раз перечитать способ применения Власть-камня: вдруг получится все-таки отыскать в описании этого способа объяснение тому, почему Макс и другим удается Власть-камню не подчиниться.

В инструкции (казалось довольно забавным применять это слово к изысканно-сложным устаревшим фразам Галилея) говорилось: Власть-камню подчинится всякий, кому этот камень будет показан в солнечный день. Описано было и то, как можно избежать власти камня: достаточно подержать его в руках перед тем, как увидеть его при солнечном свете.

Когда Стас впервые узнал о Власть-камне, то отнюдь не сразу решил, что воспользуется им. Сначала он понятия не имел, как Власть-камень мог бы помочь ему в той самой минимизации последствий его собственных ошибок. Ему понадобилось немало времени, чтобы придумать, как уберечь всех живущих на Другой Земле от последствий распространения способности создавать все, что придет в голову. И даже когда он это придумал, далеко не сразу стало понятным, какое место в его плане будет занимать Власть-камень.

Когда вся программа будущих Стасовых действий была подробно разработана, а новые законы четко сформулированы, пришла пора реализации Галилеевых инструкций.

Сперва Стас собрал всех экторов, подаренных ему Тимофеем. Сначала-то он, как и все прочие, воспринимал их как Тимофеевых шпионов, чьей помощью пользоваться нельзя ни при каких обстоятельствах. Однако потом решил: уж использовать-то их в качестве подопытных кроликов для апробации Власть-камня точно будет безопасным. Власть-камень подаренным экторам был благополучно предъявлен при нужных условиях, и те стали послушными марионетками в руках Стаса. Теперь их можно было со спокойной душой использовать в своих интересах.

После этого можно было переходить ко второму, основному этапу скрытой революции на Равнине: помнится, Зинин назвал тогдашние Стасовы действия революцией с кошачьими лапами...

Бывшим Тимофеевым экторам, а ныне экторам-полицейским был отдан приказ собрать перед институтом абсолютно всех жителей Равнины.

Жители были собраны и получили возможность лицезреть Власть-камень во всей его густо-фиолетовой необычной красе. До этого великого дня камень оберегался Стасом так, как будто бы это была пресловутая игла в яйце, от которой зависела жизнь Кашея Бессмертного: никто не должен был иметь возможности к Власть-камню прикоснуться.

Впрочем, одно исключение Стас все-таки сделал: когда накануне общего сбора члены будущего Совета приносили свою клятву, каждый из них держал в руках Власть-камень – разумеется, понятия не имея, что именно и зачем держит. Это избавило их в будущем от роли безмозглых марионеток, но зато обременило самого Стаса постоянной тревогой насчет их лояльности по отношению к нему.

Сейчас Стас снова и снова перечитывал пространную Галилееву инструкцию, пытаюсь обнаружить свою ошибку при ее воплощении в жизнь.

Внезапно он сообразил, что сейчас не столько перечитывает слова инструкции, сколько вспоминает перевод, сделанный им при их первом прочтении. Конечно же, велеречивость старого итальянца страшно утомляла Стаса: все-таки ни латынью, ни итальянским (а тем более средневековым итальянским) он не владел свободно, и перевод каждой фразы требовал от него довольно значительных усилий. Поэтому при том, первом переводе он переводил Галилеев текст на русский с дословной точностью, а потом трансформировал этот подстрочник в сжатый и конкретный текст.

Именно этот трансформированный текст и проносился у него в голове каждый раз, когда он перечитывал тетрадь Галилея – а делал он это за последние три года не один десяток раз.

У Стаса внутри все будто бы заledenело. Он метнулся к книжным полкам и забегал по ним взглядом в поисках нужных словарей.

Усевшись уже не в расслабляющее кресло у камина, а за свой внушительный рабочий стол, Стас на несколько секунд закрыл глаза, сосредотачиваясь. Потом начал, сверяясь с найденными словарями, педантично выписывать на чистый лист бумаги дословный перевод нужных фраз из тетради.

Через пять минут он в бессильной ярости шарахнул кулаками по ни в чем не повинной столешнице.

Так и есть. Ну что за идиот?!

В оригинале было: «Власти камня непременно и необратимо подчинится тот, кто устремит свой внимательный взгляд на Власть-камень, освещенный яркими солнечными лучами». Сейчас же Стас готов был поклясться, что все эти годы он привычно читал эту фразу как «Чтобы подчинить кого-то власти камня, нужно показать ему камень при солнечном свете». Ну разумеется, это вовсе не одно и то же! Что мешало Максиму или кому-то другому стоять, зажмурившись от яркого света? Или наклониться, чтобы завязать шнурки, дремать стоя – да любым иным способом уклониться от внимательного созерцания Власть-камня?!

Стас вскочил и возбужденно заходил по кабинету, то и дело натыкаясь на разбредшиеся повсюду непослушные стулья.

И что теперь делать? Как узнать, кто из жителей Равнины ухитрился избежать подчинения Власть-камню? И стоит ли вообще это узнавать? Не будешь же потом с каждым из них встречаться, чтобы повторить процедуру...

Стоп. А зачем, собственно говоря, встречаться с каждым по отдельности? Вполне достаточно будет объявить какой-нибудь всенародный праздник, на котором вполне уместно окажется предъявить священную реликвию нового мира...

Еще когда Власть-камень в первый раз был продемонстрирован населению Равнины, Стас рассказал всем присутствующим историю про пещеру, образовавшуюся на месте Галилеева жилища после волны дестабилизации. Конечно, эта история была существенно подкорректирована: по словам Стаса, на каменном возвышении он нашел сиявший в лучах лунного света камень и написанное рукой Галилея послание. В послании якобы говорилось, что в этом камне записана вся история Другой Земли, а Стасу, как прямому потомку Галилея, вверяется функция сохранения этой истории.

Сочиняя такую легенду, Стас рассудил, что никто из жителей Равнины не способен на деятельный интерес к делам давно минувших дней – а значит, никто и не будет проявлять особого внимания к месту нахождения Власть-камня.

Сейчас это давало ему возможность снова предъявить народу Власть-камень в статусе унаследованной от Галилея реликвии: это только подчеркнет торжественность церемонии.

Остается один вопрос: что делать с членами Совета? Если снова промолчать – есть риск окончательно разрушить хоть сколько-нибудь доверительные отношения с ними. Все-таки рассказать? А если рассказать, то кому: всем – или, скажем, только Буряку с Зининым? Цветану-то точно не стоит во все это посвящать – а Артему? Алене?..

В конце концов он решил для начала рассказать правду только Буряку с Зининым. Этим двоим он все-таки готов был настолько довериться, да и толку от них будет явно намного больше, чем от остальных.

Никакого облегчения Стасу это решение не принесло, зато внутри возникла какая-то прохладная ясность. Почти уже ни о чем больше не думая, он вернул тетрадь в укромный ящичек под плинтусом и быстро, чтобы не передумать, зашагал к двери.

16.30. За три дня до...

...Задача, стоявшая перед ним, была чрезвычайно сложной. Он это прекрасно понимал. Любой шаг по этой территории был опасным: здесь наверняка нет ни одного человека или даже эктора, который не признал бы в нем врага. Следовало обострить все имеющиеся чувства, чтобы никому не попасться на глаза. Впрочем, сейчас он, пока что никем не замеченный, уже стоял под нужным окном.

Но этого мало. Оставалось самое важное: понять, как решить саму задачу. В самом деле, не будет же Стас расхаживать по своему кабинету и рассказывать свою страшную тайну самому себе вслух. Непонятно даже, когда он в этом самом кабинете появится.

Уже в следующий миг он с торжествующим удовлетворением понял: все должно получиться, потому что сегодня судьба к нему благоволит. Стас вошел в кабинет, как будто привлеченный туда именно его мыслями и страстным желанием все понять.

Он сосредоточился на высокой фигуре в окне. Сосредоточился так сильно, что внутри возникла легкая дурнота: сейчас чрезвычайно важно было предугадывать каждое следующее движение Стаса. И когда тот тщательно запер дверь, душа у него возликовала: наверняка за этим последует нечто значимое.

Когда Стас направился к окнам, он быстро присел, распластавшись по стене и не забывая настороженно озираясь по сторонам. По счастью, под окнами Стасова кабинета росли густые кусты сирени, которые сейчас довольно надежно его укрывали.

Какое-то время он выжидал, пытаясь почувствовать, когда можно будет распрямиться, чтобы ничего не пропустить. Наконец внутреннее напряжение ослабло, и он понял: пора. Путь свободен.

Ему было прекрасно видно, как Стас шарил рукой рядом с камином, после чего оттуда выдвинулся какой-то ящик.

Дальше все оказалось совсем просто: выражение Стасова лица явственно говорило об исключительной важности того, что он так долго читал. Стас даже что-то записывал на отдельном листе – ну до чего же неосторожно! Можно душу прозакладывать, что исписанный лист этот несчастный гуманитарий уничтожить не догадается...

Он изо всех сил старался не дать себе расслабиться: нельзя пропустить момент, когда Стас дочитает свою древнюю тетрадь и встанет из-за стола.

Он даже не стал расстраиваться из-за того, что сама тетрадка снова была упрятана под плинтус: Стас так наглядно продемонстрировал, как потайной ящик извлекается на свет божий, что никаких трудностей возникнуть никак не должно.

Когда Стас пошел к двери, он, пригибаясь, быстро побежал к углу институтского здания: надо было понять, куда Стас направится. Завернув за следующий угол, по-прежнему скрываемый буйными зарослями парка, он с облегчением увидел: тот вышел из здания и двинулся в сторону городка для переселенцев из Долины.

Теперь путь был свободен, но спешить все-таки следовало. И он, почти уже не скрываясь, помчался обратно, к своему недавнему наблюдательному пункту.

Вот же дурашка... Решетки на окна своей общежитской квартиры на третьем этаже сделал, а про окна кабинета, который на первом этаже, забыл: лезь – не хочу.

Он-то как раз хотел. И даже заранее приготовился: взятых с собой инструментов оказалось вполне достаточно, чтобы вскрыть одно из окон кабинета.

Оказавшись внутри, он тут же аккуратно закрыл окно и внимательно (уж точно внимательнее, чем Стас давеча!) оглядел окрестности. Рабочий день в институте был в самом разгаре, и по парку никто бесцельно не шлялся. Воистину судьба считает его миссию благой!

Как он и предполагал, никаких дополнительных секретных замков на плинтусе не было, и ящик послушно оттуда выдвинулся, открыв его взгляду толстую взлохмаченную тетрадь – когда-то бывшую темно-рыжей, а теперь белесую от времени.

Он перелистал тетрадь и неприятно удивился. Все записи были сделаны на языке, ему незнакомом, и это грозило серьезными осложнениями. Впрочем, об этом можно будет подумать позже.

Напоследок он подошел к столу. Разумеется, лист преспокойно лежит себе, забытый Стасом. И даже слова на нем – вполне русские и понятные. Ладно, их тоже можно прочесть потом: сейчас нужно всего лишь исчезнуть так же незаметно, как он и появился.

Потом он решил, что имеет смысл захватить с собой те словари, которыми Стас пользовался. Огляделся в поисках какой-нибудь подходящей сумки, но ничего не нашел. Тогда ему пришлось стянуть с себя рубашку и сложить в нее две толстые книги, тетрадь и вложенный в нее листок со Стасова стола.

Он аккуратно скрутил рубашку так, чтобы один из рукавов остался свободным – на манер ручки, – и выбрался в то же окно, через которое недавно попал в кабинет.

18.05. За три дня до...

Герман осторожно постучал в дверь любимого каминного зала Тимофея: в последнее время хозяин очень спешил закончить свою тайную работу и потому очень выматывался. Никогда нельзя было угадать, можно ли его сейчас беспокоить, или он все еще отдыхает после создания какой-нибудь очередной части будущего летательного аппарата.

Однако сейчас была серьезная причина рискнуть и постучать: к Тимофею пришел страшно смущенный дрич Антон, несший явную околесицу. При этом околесица была тревожной, и Герман счел, что хозяину стоит об этом знать.

Некоторое время за дверью было тихо, потом стали слышны тяжелые неуверенные шаги, и дверь распахнулась. За ней стоял растрепанный покачивающийся Тимофей с воспаленными красными глазами. Он раздраженно проскрипел:

– Оглох, что ли? Зову, зову...

Герман предпочел не объясняться и просто глянул на хозяина вопросительно.

– Ну говори уже... – бросил через плечо Тимофей, снова направлявшийся к ближайшему дивану.

– Там к вам Антон пришел. Бормочет какую-то чушь: якобы вы пару часов назад приходили к ним, извинялись за что-то, а его бешеная жена вас из дома выгнала... Я тут посчитал: два часа назад я приносил вам еду, а вы меня обругали и есть не стали. Но он, видите ли, настаивает. Очень уж хочет вас видеть. Что делать будем?

Тимофей удивился так, что даже позабыл отреагировать на скрытую фамильярность эктора, объединившего себя с хозяином в одно крамольное «мы».

– Я к ним приходил?! Он трезвый?

Герман пожал плечами:

– Да вроде трезвый... Выгнать?

Тимофей задумался. Было заметно, что даже это любимое действие сейчас дается ему с большим трудом. Несмотря ни на что он все же додумал свою мысль до конца и отрицательно качнул головой:

– Не надо. Сейчас я приведу себя в порядок и выйду к нему.

Герман едва успел вернуть на место брови, озадаченно поползшие вверх от намерения хозяина привести себя в порядок перед встречей с каким-то суетливым дричем.

– Не твое дело, – слабо огрызнулся Тимофей и захлопнул дверь перед носом эктора.

На всякий случай Герман решил дождаться хозяина перед дверью и проводить его к настырному гостю.

Через две минуты Тимофей появился в коридоре аккуратно причесанный и с подчеркнуто невозмутимым лицом. Герман еще раз усмирив непочтительные брови и двинулся следом, в любую минуту готовый подхватить хозяина под локоть. После закончившегося всего пять-шесть часов назад очередного этапа крамольной созидательной деятельности Тимофей решительно не мог быть в полном порядке: обычно после такой работы он восстанавливался не меньше десяти часов. В последнее время десять часов и вовсе превратились в двенадцать: видимо, Макс разозлил Стаса основательно...

Завидев появившегося в вестибюле Тимофея, Антон вскочил с гостевого диванчика и торопливо пошел ему навстречу.

– Тимофей, дорогой, я даже не знаю, как прощения просить! Ну не сердись ты на нее, ради Бога! Ты же знаешь, она у меня просто жуть какая темпераментная...

Говоря это, он искательно заглядывал Тимофею в глаза, поглаживал его руки, краснел, потел и заикался.

Герман исподтишка гордился хозяином: тот вел себя с невероятным достоинством – даром что тоже ничего не понимал.

Дав Антону раз двадцать повторить одно и то же, Тимофей наконец дружелюбно промолвил:

– Антон, друг мой, ты ошибаешься. Два часа назад я спокойно спал, а то, знаешь ли, ночь была бессонная...

Антон изумился еще больше, чем Тимофей давеча:

– Да как же так, дорогой мой?! Ты говорил, что не хочешь, чтобы мы считали тебя трусом и предателем, а Улька брякнула, что мы все равно... В общем, неважно, что она сказала, она все равно не права! Но я же не мог тебя с кем-то спутать, сам посуди!

Он еще что-то бормотал, виновато глядя на Тимофея, но тот его уже не слушал. Его глаза пару раз настороженно метнулись в сторону Германа, который с безразлично-глухим видом стоял неподалеку, потом уползли куда-то к потолку. Он пробормотал:

– Ничего, Антон, все хорошо, я уже все забыл, – и стремительно зашагал прочь.

Антон растерянно умолк на полуслове, глядя вслед удаляющемуся пророку.

Герман постоял еще немного, всем своим видом намекая смущенному дричу, что аудиенция закончена. Наконец Антон потрясенным шепотом сказал – то ли Герману, то ли самому себе:

– Он нас никогда не простит.

Герман сделал еще пару шагов в его сторону, чтобы усилить намек, и дрич спохватился:

– Да-да, я ухожу. Никогда не простит... Точно, никогда... – и, горестно вздыхая, ушел.

Герман торопливо пустился догонять хозяина в надежде обсудить подробности загадочного визита. Он еле успел окликнуть Тимофея, яростно распахнувшего дверь в каминный зал:

– Хозяин, что это было, вы поняли?

Тимофей оглянулся и досадливо поморщился:

– Ладно, заходи уж...

Герман прикрыл за собой дверь и устоял на хозяина в ожидании ответа.

– К нему приходил не я, – отрывисто произнес Тимофей, внимательно разглядывая эктора – будто бы решая, стоит ли говорить ему что-то еще.

– А кто тогда?

Тимофей открыл было рот, чтобы ответить, потом задумался, продолжая сверлить Германа недоверчивым взглядом.

Герман ждал, старательно скрывая нетерпение – а то вдруг хозяин рассвирепеет и прогонит, так ничего и не объяснив...

– Потом поговорим, – в конце концов сказал Тимофей, обмякнув до состояния своей прежней разбитости.

– Вы уверены, что не хотите... – осторожно начал Герман, но Тимофей сердито рявкнул:

– Уверен! Вали отсюда! Совсем обнаглел...

Разочарованный Герман поспешно исчез.

Черт возьми, удалось. Все удалось.

И как всегда – бойтесь ваших желаний, ибо они исполнимы... Как он мог не подумать о том, что теперь любой сможет понять?! Ничего не скажешь, кретин – ничем не лучше Стаса.

Да нет, получается, Стас умнее: тот всего лишь добровольно расстался со своим имуществом. А тут куда хуже получается... Будто по собственной воле встал голым на площади, и теперь все окрестные придурки могут ходить, рассматривать, делать выводы и злобно ухмыляться.

Хотя... Может, все не так и плохо? Придурки-то тоже ведь не одетыми ходить будут. А главное – Стас. Стас и его прихвостни – члены Совета. В конце-то концов, именно это было главной целью...

18.15. За три дня до...

...Найти хоть кого-то из членов Совета оказалось довольно непросто. В поселке переселенцев Стасу сказали, что Буряк здесь не ночевал давным-давно. Это было удивительно: прежний дом Буряка рассыпался в пыль одновременно с Долиной, и ночевать ему было вроде как больше и негде.

Зато каждый из тех, к кому обращался Стас, только что видел Зинина, но, к сожалению, понятия не имел, куда тот направился. Стас почти час безуспешно бродил по поселку, институту и общежитию в поисках заблудшего историка, но махнуть рукой на продолжение поисков никак не мог: боялся, что его решимость понемногу растает, если не реализовать ее прямо сейчас.

Зининский дом на Равнине во время дестабилизации нисколько не пострадал: может, эти два диссидента сейчас там? Этот вариант был очень похож на последнюю надежду, и Стас без особого желания полез в самолет.

К его несказанному облегчению, диссиденты оказались действительно там и не слишком обрадовались появлению Стаса. Когда его долговязая фигура возникла в гостиной (друзья, конечно, не сочли нужным запереть входную дверь), они замолчали и угрюмо уставились на непрошеного гостя.

Стас помолчал немного, в последний раз перебирая в голове доводы в пользу своей полной откровенности, а потом решительно заявил:

– Извините, если я вам помешал перемывать мне косточки, но мне вообще-то плевать. Вы, помнится, хотели знать, почему все начали бегать в Совет? Слушать-то будете, или я обратно полетел?

Те переглянулись, и Зинин молча указал Стасу на кресло довольно аскетичного вида. Тем не менее, Стас с удовольствием почувствовал, что обстановка потеплела, несколько приблизившись к их прежнему, дореформенному общению.

...Когда он закончил свой рассказ, все трое долго молчали. Потом Буряк, пожав плечами, произнес куда-то в пространство:

– В общем-то, нечто подобное мы и предполагали. Только мы думали, что ты эту фиолетовую штуку сделал сам.

Зинин вдогонку ему пробормотал:

– Все равно хорошо, что ты рассказал – даже если это ничего не меняет...

Стас бросил на него благодарный взгляд, ощущая внутри легкий стыд: все-таки рассказал он им про Галилеев последний подарок вовсе не из дружеских соображений... Впрочем, его скрытые мотивы незамедлительно обнародовал безжалостный Буряк:

– Я так понимаю, тебе нужно какое-то наше содействие на будущем торжественном мероприятии?

– Ну... – замялся Стас. – И это, конечно, тоже. Но я просто перестал понимать, зачем это скрывать дальше.

– И то хлеб, – вздохнул Буряк, и в его голосе тоже прозвучало некое расположение, которым он давно уже Стаса не баловал.

На волне общего осторожного братания Зинин вспомнил про свои обязанности хозяина и пошел ставить чай.

– Слушай, а ты где ночуешь-то? – вдруг вспомнил Стас. – Я тебя искал по всему поселку, а мне говорят: их давно не было-с... Здесь, что ли?

Буряк долго молча смотрел на него, потом нехотя произнес:

– У Василисы.

– Чего-о? – от удивления не сдержался Стас.

В его миропонимании Василиса – идеально соответствовавшая своему сказочному имени тихоня с роскошной пепельной косой – годилась для исполнения исключительно декоративных, но никак не эротических функций: очень уж неземным созданием она была.

– Отзынь, – мрачно посоветовал Буряк, и Стас, опомнившись, кротко согласился:

– Понял. Даже не мурлыкаю.

Они попили чаю почти так же, как это бывало раньше – только, пожалуй, излишне церемонно. Никто пока не понимал, изменила ли Стасова откровенность что-то в их нынешних отношениях, и не спешил давать преждевременные авансы.

Наконец Буряк утомился от светского общения и встал:

– Стас, ты когда обратно полетишь?

– Тебя в институт подбросить? – с готовностью отозвался Стас.

– В поселок, – кратко ответил Буряк, и Стас смутился: не стоило после краткого, но многозначительного диалога о Василисе задавать этот вопрос...

– Юрка, а ты? – обернулся он к историку, но тот отрицательно помотал головой.

– Нечего мне пока там делать, – буркнул он. – Тут буду думать.

...Когда самолет замер рядом с задней калиткой институтского парка, уже начинало смеркаться. Какое-то время Стас с Буряком сидели молча, не предпринимая никаких попыток самолет покинуть, потом Стас с некоторым усилием проговорил:

– Я хочу, чтобы ты понимал... То, что я вам сегодня все это рассказал – это не признание моей неправоты. Я все равно буду делать все так же, как и раньше. Хотите – будем все это делать вместе, но по-другому уже не будет.

– Я понял, – невыразительно сообщил Буряк из салона, продолжая смотреть в иллюминатор.

Стас еще немного посидел, потом вышел в салон и, остановившись у кресла Буряка, неловко ткнул его кулаком в плечо:

– Эй...

Буряк неспешно поднял на него непроницаемый взгляд и молча поднялся с кресла.

Они выбрались из самолета в шуршащие множеством ветвей сиреневые сумерки и отошли от двери, чтобы дать умному самолету ее закрыть. В этот момент за оградой парка что-то зашуршало сильнее, чем это можно было бы объяснить поднявшимся к вечеру ветром, Буряк резко обернулся на шум, метнулся к Стасу и сшиб его на землю.

Что-то оглушительно грохнуло, потом о борт самолета что-то громко звякнуло, и рядом с ними упал искореженный кусочек металла.

– Ни фига себе... – потрясенно пробормотал Стас и сплюнул пылью, набившейся в рот при падении.

За оградой слышалось уже не шуршание, а хруст веток и удаляющиеся шаги, удалявшиеся в глубь парка.

Буряк, продолжавший стоять на коленях, смотрел, прищурившись, вслед затихавшему шуму.

– Это что еще за новости?! – несколько запоздало возмутился Стас, поднимая с земли пулю, сплюснвшуюся о борт самолета.

Буряк забрал у него пулю, внимательно рассмотрел ее и подошел к самолету, ища ладонью на борту след от нее. Никакого следа он не нашел и насмешливо буркнул в сторону Стаса:

– Не думал о карьере самолетостроителя?

Стас, продолжавший стоять ошалелым столбом, ничего не ответил.

– Ладно, кончай медитировать, пошли, – дернул его за рукав Буряк. – Ты же не собираешься теперь поселиться в своей птичке?

– А ты предлагаешь идти сейчас по темному парку под чьим-то стволом? – огрызнулся Стас.

– Так парк-то не только для тебя темный, – рассудительно возразил Буряк. – Он ведь и для стрелка темный. Не будет же он палить по любой тени, которую увидит, в самом деле?!

Успокаивало это слабо, но продолжать стоять было и бессмысленно, и не менее опасно. Поэтому Стас без особого энтузиазма осторожно двинулся следом за Буряком.

Не прошло и минуты, как в руках у Буряка возникли два фонарика, один из которых он без слов протянул Стасу.

Стас с облегчением схватился за тонкую прохладную палочку, источающую толстый сноп пронзительно яркого света, и выругал себя за несообразительность.

– Может, пистолет сделаем? – негромко поинтересовался он на ходу. – Хотя бы стартовый. Стрельнем пару раз в воздух для остротки.

Буряк небрежно отмахнулся:

– Да ладно тебе! Все же видно. Нету никого, сбежал он давно...

И в самом деле, расстояние до институтского корпуса они преодолели без приключений.

– Пошли в институт, – предложил Стас, которому не улыбалось идти еще пару сотен метров до общежития по неожиданно ставшему опасным парку.

Буряк, не отвечая, молча свернул к институту.

Здесь уже были слышны встревоженные голоса, обсуждавшие факт недавнего выстрела, но они не стали присоединяться к бурной дискуссии и вошли в здание. Взволнованные дежурные экторы попытались было выяснить у них, кто, в кого, почему и зачем стрелял, но Стас устало отмахнулся, и те растерянно умолкли.

Стас отпер дверь, которую стал с недавних пор запирать, включил свет и снова застыл, как насторожившийся суррикат. Буряк бесцеремонно отпихнул его в сторону – и тоже замер.

В дальнем углу кабинета спиной к ним испуганно метался человек, пытавшийся найти выход из почти замкнутой окружности Стасова огромного стола. Когда он наконец-то догадался свалить на пол начальственное кресло и вырвался из объятий стола, то в какой-то момент оказался лицом к ним, и Стас ошеломленно выругался.

Перед ними был еще один Буряк.

Буряк номер один не издал ни звука: он только молча следил за своим двойником, бросившимся от стола к распахнутому окну.

Двойник на секунду замер на подоконнике, с таким же изумлением поглядел на самого себя, неподвижно стоящего у открытой двери, и спрыгнул вниз, в пожухшую за летние месяцы сирень.

22.10. За три дня до...

Тимофей вытянулся на постели, нимало не ощущая привычного удовольствия от прохладных простыней: слишком много неприятного случилось за последние дни, чтобы можно было спокойно наслаждаться простыми радостями. Кроме того, завтра придет черед предпоследнего этапа работы над самолетом, но сейчас об этом лучше не думать – во избежание очередного приступа нестерпимой вины перед Советом...

Стоп. Решено же было – не думать. Во всяком случае, об этом. И так довольно разных мерзких вопросов, на которые придется искать ответы.

Но до мерзких вопросов дело не дошло: в дверь довольно громко постучали.

Черт знает что. Еще никто и никогда не осмеливался беспокоить хозяина, когда тот сообщил, что ложится спать. Или экторы совсем уж развинтились, или и впрямь случилась очередная беда.

– Да! – раздраженно воскликнул он, и в двери немедленно возник Герман.

Так и есть, стряслась очередная гадость: ничто иное не могло бы превратить лицо обычно сдержанного эктора в древнегреческую театральную маску. Тимофей затруднился определить, какое именно чувство сия маска должна была воплощать, но чувство было явно неприятным.

– Извините, хозяин, но...

– Что? – нетерпеливо рявкнул Тимофей. – Кончай истерику, говори.

Герман с очевидным испугом оглянулся и пробормотал:

– Я... не знаю... там – вы...

– Где – я? – устало вздохнул Тимофей и тут же осекся.

Отодвинув Германа, в спальню вошел он сам, Тимофей.

После недолгой немой сцены Тимофею удалось все-таки начать думать связно. Не отрывая взгляда от вошедшего, он кое-что прикинул про себя и скомандовал:

– Входите оба. Герман, закрой за собой дверь и садись вон там, – он указал на кресло в дальнем углу комнаты. – Молчи, слушай и думай.

Он поднялся с кровати, накинул на себя уютный мохнатый халат и сел на диван у противоположной стены.

– А ты, – обратился он к самому себе, все еще неподвижно стоявшему у двери, – иди сюда. Вошедший безмолвно подчинился, глядя во все глаза на своего двойника.

– Что ты сегодня делал?

Этот вопрос показался Тимофею наиболее подходящим в этой ситуации: он не слишком очевидно демонстрировал присутствующим его собственное непонимание и растерянность.

Странное ощущение: смотреть на самого себя и понимать, что два совершенно одинаковых лица сейчас имеют совершенно разные выражения. Впрочем, Герману сейчас, наверное, приходится еще хуже... Очень бы хотелось посмотреть, что там в его голове происходит при виде этой безумной картины. Или хотя бы глянуть из этой головы на диван, где один Тимофей, в роскошном домашнем халате и с помятым лицом, требовательно взирает на другого Тимофея, одетого только в мятые штаны, с запыленным лицом, лежащим на коленях свертком и торжествующей улыбкой.

– Я был у Стаса и все нашел. Вот, – гордо отрапортовал вторичный Тимофей.

Он разматал свой сверток, после чего сразу стала понятна недостаточность его одягания, и протянул первичному Тимофею толстую тетрадь.

– Правда, там не по-русски, но ты же наверняка сможешь понять, да?

Тимофей жадно схватил тетрадь и начал листать, пока из нее не выпал сложенный вдвое листок. Он пробежал глазами несколько написанных на нем строчек и поднял взгляд на своего двойника:

– Это что?

– Стас сначала читал тетрадь, потом взял вот эти два словаря, – и пришедший указал на два огромных тома, лежавших на распластавшейся по его коленям рубашке. – Видимо, он что-то переводил и записывал это здесь, – он ткнул пальцем в заинтересовавший Тимофея листок.

После этих объяснений Тимофей перечитал написанное еще раз, потом закрыл глаза и надолго задумался.

– Тебя кто-нибудь видел? – наконец вернулся он в реальность и вновь обратил взор на своего двойника. Впрочем, долго смотреть на того он не мог: слишком многое в том лице раздражало до внутренних корчей.

Кто бы мог подумать, что у него такой брезгливый изгиб губ?! Взгляд какой-то ищущий и беспокойный, да и вообще рожа малоприятная. Странно, раньше ему почему-то никогда так не казалось...

– Нет, – скромно потупил глаза двойник. – В институте был рабочий день, – при этих словах Тимофей саркастически поиграл бровями, – и в парке никого не было. А потом я долго прятался, чтобы никому на Равнине на глаза не попасться. К тому же я в таком виде... – и он смущенно оглядел свой голый торс.

– Ладно, ладно, молодец, – рассеянно пробормотал Тимофей, снова утыкаясь в листок со Стасовыми письменами.

«Власти камня непременно и необратимо подчинится тот, кто устремит свой внимательный взгляд на Власть-камень, освещенный яркими солнечными лучами»...

Черт возьми, так вот для чего Стас собирал тогда, три года назад, все население Равнины на какое-то идиотское празднование начала новой жизни!

Тимофей прекрасно помнил шипастый фиолетовый кристалл, который Стас с таким забавно-торжественным видом воздел над собравшейся толпой. Помнится, он еще тогда подумал, что его гелиос и прочие галилеанские причиндалы выглядели куда внушительнее.

Значит, наш затейник Стас тогда одним махом подчинил себе всех жителей Равнины и заставил их испытывать страстное желание просить разрешения на создание чего бы то ни было. Ну и, ясное дело, испытывать мучительное чувство вины каждый раз, когда их потянет на самовольство. Ничего не скажешь, выгодная оптовая закупка... Хотелось бы знать, что еще внушил тогда им всем этот хитрый лингвист?

Тимофей грозно сдвинул брови и снова глянул на похитителя словарей:

– Ты сказал, что нашел все. А камень где?

– Какой камень? – несказанно удивился тот. – Никакого камня там не было.

– Должен быть еще камень. Большой фиолетовый камень странной формы. Тебе нужно его найти, – внушительно произнес Тимофей, внимательно наблюдая за реакцией полуголого себя.

Интересно, как следует разговаривать с такими, как этот? Они все-таки не экторы... Отдавать команды? Или лучше вежливо просить?

Однако выбранный Тимофеем тон, судя по всему, оказался вполне подходящим: двойник послушно задумался, видимо, планируя дальнейшие поисковые мероприятия.

– Я бы хотел знать точнее, как этот камень выглядит, – наконец сообщил он. – Иначе как?..

Проблема... Чтобы узнать, что именно искать, надо сначала это найти, чтобы посмотреть, как оно выглядит.

Неожиданно голос подал Герман, до сих пор молча пытавшийся в своем углу примириться с ситуацией:

– Можно просто сходить в Зал Одобрения. Там есть фотографии, на которых камень хорошо виден.

Видимо, он плохо понимал, как нужно обращаться к двойнику своего хозяина. Или просто оберегал свой разум от слишком сильных потрясений.

Тимофей изумленно посмотрел на него:

– Ты-то откуда знаешь?

– Я там бывал, – потупившись, признался старший эктор.

– На что разрешения просил? – скептически прищурившись, спросил Тимофей.

Герман долго мялся и бормотал себе под нос что-то непонятное, прежде чем промямлить:

– Колечко хотел сделать...

– Да ладно?! – заинтересовался Тимофей, даже забыв на время о своем необычном госте. – И для кого же?

Эктор к этому моменту уже окончательно справился с внутренними последствиями своего неосторожного заявления и с вызовом уставился на своего хозяина, всем своим видом демонстрируя: больше он не скажет ничего.

Тимофей некоторое время сверлил его пристальным взглядом, потом махнул рукой:

– Ну и черт с тобой, – и снова повернулся к гостю.

– Значит, сходишь в Зал Одобрения и посмотришь фотографии. А потом найдешь камень и принесешь его мне. Ты понял?

– Конечно, – с достоинством кивнул второй Тимофей. – Мне сделать это сейчас или можно немного отдохнуть?

По его виду невозможно было понять, представляется ли ему более предпочтительной какая-то из двух альтернатив, но все же Тимофей ласково сказал:

– Конечно, иди поспи. Только надень рубашку: тогда любой эктор точно сделает все, что ты скажешь.

– Не выйдет. Все наши наверняка попрятались, – снова подал голос Герман, приободренный своей недавней победой в дуэли взглядов.

– Это еще почему? – недоверчиво прищурился Тимофей.

– Нестор с Мироном его видели.

– И что?

– Они знали, что вы уже легли спать, – с некоторым злорадством объяснил эктор. – И, конечно же, страшно испугались.

Тимофей насмешливо скривился:

– Молчал бы уж... У самого-то физиономия была, как будто тебе понятно что вставили понятно куда и обещают повернуть.

– В общем, в коридоре сейчас никого не будет, – уточнил Герман, полагавший, что его самого Тимофей сейчас никуда не отошлет: наверняка захочет обсудить последние события.

Тимофей, разумеется, никак не мог спустить такой наглости своему самолюбивому (что само по себе можно было считать нонсенсом) эктору:

– Пристроишь... – тут ему пришлось серьезно задуматься, как же следует называть своего двойника.

Так ничего путного и не придумав, он безнадежно махнул рукой:

– Короче, пристройшь его на ночлег и сразу же вернешься. Чего ждешь?! Мухой!

Когда эктор и его собственный двойник скрылись за дверью, Тимофей возбужденно заходил по комнате. Бесцельно передвинул кресло, в котором сидел Герман, с места на место. Выглянул в окно. Посмотрел на себя в зеркало и, сердито мотнув головой, отошел от него подальше. Поняв, что поспать сегодня вряд ли удастся, аккуратно застелил постель.

То, что его план сработал, он прекрасно понял еще после визита Антона. Правда, он никак не ожидал, что придется лицом к лицу сталкиваться с собственными двойниками, но тут уж ничего не поделаешь... Ему ведь так и не удалось придумать, как распространить действие своего артефакта на все население Равнины, но при этом исключить из числа счастливицов

самого себя. Значит, теперь придется жить с постоянно вздыбленной на загривке шерстью: кто ж знает, чего он хочет, когда сам себе в своих желаниях не признается?! Ладно еще сегоднешний гость: это и предугадать можно было, и великую пользу поиметь... Но как бы выяснить, какими окажутся другие?

Тут появился Герман, и Тимофей не нашел лучшего способа сорвать свое раздражение, чем окрыситься на него:

– Ты его в Долине размещал, что ли? Дольше не мог ходить?

– Никто не хотел брать его к себе, – бесстрастно объяснил тот. – А оставлять его без присмотра я не рискнул. Пришлось очень долго уговаривать Гордея.

Тимофей счел своим долгом еще некоторое время демонстрировать свое недовольство, потом сердитым жестом указал Герману на диван:

– Садись, поговорим.

Эктор сел, ни одним мимическим движением не выдавая своего отношения к происходящему. Тимофей с размаху сел рядом и покосился на него.

– Все понял?

Герман пожал плечами:

– Кое-что. Вы это имели в виду, когда говорили, что у вас есть план?

Тимофей скривился: будучи осязательной, его первоначальная идея уже перестала ему казаться осмысленным планом.

– Это, – все же вынужден был признать он. – Теперь у каждого на Равнине есть куча двойников.

Вопреки его ожиданиям, Герман не задал ни одного вопроса: то ли позволил себе обидеться на хозяина, то ли понял больше, чем говорит... Тогда Тимофей тоже замолчал: нечего баловать экторов. Если интересно, пусть сам просит о продолжении, а пока и без него есть о чем подумать.

Итак, можно надеяться, что в ближайшее время Власть-камень (так, кажется, это называл Галилей?) окажется у него. Судя по энтузиазму сегодняшнего функционала (будем называть всех двойников именно так – надо же как-то отличать их от экторов?!), ему все должно удастся. Что будет происходить дальше?

Выигрыш первый: Стас больше никому ничего не сможет внушить. Небольшая, но чрезвычайно важная деталь: он даже не сможет больше усиливать внутренние наказания за попытки послушания.

Хотя... Честно говоря, это – вовсе не факт: вполне может быть, что камень уже воспринимает именно Стаса как своего хозяина. В этом случае Стас даже в отсутствие Власть-камня сможет продолжать впаривать народу все, что пожелает...

Выигрыш второй: можно будет самому влиять на жителей Равнины в любую желательную сторону.

Снова не факт: этот выигрыш может иметь место опять-таки только в том случае, если Стас вместе с камнем утратит и способность с его помощью влиять на умы. А если чертов Галилей предусмотрел опасность перехода чертова артефакта в другие руки и застраховался от нее?

И, наконец, самое главное: как это выяснить? Выяснять-то в любом случае придется собственной шкурой... И если Галилей все-таки оказался чересчур дальновидным, то можно и вообще ничего не узнать. Тем более что, в отличие от Стаса, ни латынью, ни итальянским он не владеет – то есть не сможет даже прочесть, что в этой дурацкой тетради написано.

Да уж... Вполне может случиться так, что никакой великой пользы не будет даже и от этого функционала. Тогда зачем все это было сделано?! Только ради того, чтобы Стасовы функционалы тоже бродили по Равнине и своими действиями дискредитировали свой прототип? Выигрыш сомнительный, что и говорить.

– Я не понимаю трех вещей, – заговорил наконец Герман. – Во-первых, как этих... не знаю, как их называть... отличить от обычных парцелов? Я смотрел очень внимательно: разница была только в одежде и выражениях лиц. Все остальное – как две капли воды.

Действительно, а как их отличать-то?! Не подумал, не подумал...

И Тимофей, неожиданно сильно уязвленный собственной непредусмотрительностью, раздраженно сообщил:

– Называй их функционалами. Что еще?

Судя по быстрому взгляду Германа, тот прекрасно понял: ответа на первый вопрос у хозяина не имеется. Сообразительный, поганец...

– Во-вторых, я не понимаю, где они все теперь будут жить.

– Они не будут жить, – ворчливо заявил Тимофей. – Они появляются только для того, чтобы исполнить какое-нибудь неосознаваемое желание их прототипа. После этого они исчезают. Зачем им дальше-то жить?

– Понял, – кротко кивнул Герман и помолчал, прежде чем озвучить самый главный (и самый неприятный) вопрос:

– А еще мне неясно, зачем вам это было надо. Вы же могли просто создать одного-единственного такого функционала, чтобы он выяснил все про этот камень и точно так же принес его вам. Остальные-то вам зачем?

Ясное дело, додумался. Наверное, такого эктора можно считать изысканным комплиментом его хозяину, вот только радости что-то маловато от такого комплимента...

И Тимофей нехотя пояснил:

– Каждый такой функционал наглядно демонстрирует всем окружающим, что за человек его прототип. И если прототип хочет чего-нибудь гадостного... Кстати, ты, я надеюсь, не сомневаешься, что в глубине души каждый человек хоть чего-нибудь гадостного да хочет?

Герман изобразил лицом что-то неопределенное, и Тимофей удовлетворенно кивнул.

– Так вот если прототип чего-то гадостного все-таки хочет, то у него появится функционал, который это гадостное сделает. И как, по-твоему, окружающие смогут понять, что это сделал не сам прототип?

Герман немного поразмыслил, утвердительно кивнул и все-таки осторожно уточнил:

– Но вы ведь тоже не можете знать, чего хотите в глубине души, правда? Тогда ваши функционалы точно так же будут...

– Заткнись! – яростно взревел Тимофей. – Думаешь, я всего этого не понимаю?! Я не смог иначе! Просто не придумал, как сделать, чтобы было по-другому! Вот такой я идиот!

Ошеломленный Герман даже лицом потек: еще ни разу на протяжении всей его экторской жизни хозяин не высказывался о самом себе в подобном тоне, и теперь он понятия не имел, как на это реагировать.

Тимофей в бессильном гневе стукнул кулаком по подлокотнику дивана и даже замычал – так горестно, будто только что собственными руками разбил драгоценную китайскую вазу какой-нибудь славной эпохи.

Некоторое время он сидел молча, и Герман с некоторым испугом начал подумывать о том, чем ему будет угрожать факт нечаянного присутствия при столь крамольных откровениях хозяина.

Однако через несколько минут Тимофей вдруг спокойно спросил:

– Ты что-то еще знаешь... о моих функционалах?

Эктор даже вздрогнул от неожиданности, но все же заставил себя ответить честно:

– Только о том, который приходил к Антону. Он обошел почти всю Равнину. К нам весь день таскались разные экторы и рассказывали... Словом, все в шоке, потому что извинений от вас никто не ждал.

Он немного подумал и решил бросить шапку оземь:

– Кстати, я тоже удивился. Никогда бы не подумал, что вы... что вас так волнует, как о вас думают другие люди.

Тимофей саркастически усмехнулся:

– Не поверишь – я бы тоже никогда не подумал...

Он покосился на потрясенного Германа и усмехнулся еще ядовитей:

– Вот такая вот сегодня у нас с тобой ночь откровений.

Эктор предпочел промолчать: и так уже сказано раз в сто больше, чем было бы достаточно для внутренней революции. А Тимофей, к вящему собственному удивлению, продолжал:

– Получается, я проиграл Стасу. По всем статьям проиграл. И значит, я отнюдь не так умен, как полагал. Правда, достаточно умен, чтобы это признать, но все-таки... Я ведь даже самолет делаю, чтобы банально сбежать. То есть выглядит-то это так, что я ужасный молодец: смог их всех ослушаться – но ведь все равно это будет бегство, так ведь?

Герман просто места себе не находил: его экторская картина мира трещала по швам. С одной стороны, скептическое ехидство, которым он был наделен по воле самого же Тимофея, было в восторге: и прежде много раз он был свидетелем не самых удачных действий своего хозяина, но тот никогда этого не признавал – а теперь наконец-то признал. С другой стороны, было очевидно: Тимофею сейчас не позавидуешь. Просто ни за что не позавидуешь. В сорок с чем-то лет свалиться с собственного внутреннего пьедестала... Наверное, не у всех после такого получается выжить.

Герман вспомнил, что главная и единственная задача эктора – быть полезным своему хозяину, и вкрадчиво сказал:

– А что, если попытаться все-таки прочесть тетрадь Галилея? Не зря ведь этот ваш... функционал... словари-то принес? Может, окажется, что вы все равно выиграли больше, чем проиграли?

Вот же зараза! Все просчитал... И то, что хозяина не так уж и порадовало получение загадочной тетради, тоже понял. Что ж, если уж получилось намечтать себе такого умного эктора, было бы полным идиотизмом этим не пользоваться.

И Тимофей решительно сказал:

– Ты прав, мой друг, – он снова искоса глянул на явно польщенного эктора и подтвердил: – Празднуй, я свои слова назад не возьму. Пошли, будем изучать латынь.

22.10. За три дня до...

...Ждать ему пришлось долго: ненавистный хозяин дома никак не желал укладываться спать. Двигаясь вслед за его перемещениями по дому, он видел через разные окна, как тот задумчиво бродил по комнатам, время от времени бросался то к книжным полкам, то к письменному столу. Потом он долго тянул очень горячий чай (было видно, как над огромной чашкой кружит легкий парок), принимал души, стелил постель...

Переходя от одного окна к другому, он не уставал восхищаться и одновременно злиться: как же превосходно был устроен этот дом! Всего необходимого в нем было достаточно, ничего лишнего не имелось, и все находилось как раз на нужных местах. Чувствовалось, что хозяин точно так же наслаждается устройством своего жилища. Какого же черта тогда он столько времени проводит в этом идиотском домишке в поселке переселенцев?! Будто кот, территорию метит: это мое, и это – тоже мое?

Когда хозяин наконец-таки вышел из душа, распаренный и умиротворенный, он мысленно выругал себя за то, что в своих размышлениях упустил отличный момент напасть, пока тот был расслаблен и наверняка утратил всякую бдительность. Ну ничего, спящий человек тоже вряд ли способен оказать серьезное сопротивление. Осталось подождать совсем немного.

22.20. За три дня до...

– Ты не мог бы сказать, что все это мне померещилось? – ошеломленно пробормотал Стас, не сводя взгляда с опустевшего подоконника, на котором несколько секунд назад стоял двойник Буряка.

Оставшийся в кабинете Буряк ничего на это не ответил: он продолжал ошолобенело стоять у двери, глядя туда же, куда и Стас. Только через минуту он с трудом сдвинулся с места и не слишком твердо добрался до первого попавшегося стула.

Стас обернулся на скрип стула, жалобно охнувшего под обвалившимся на сиденье Буряком, и констатировал:

– Понятно. Не мог бы.

Он подошел к Буряку и осторожно (вдруг теперь от безобидных стульев тоже можно ждать всяческих сюрпризов?) присел рядом.

Разговаривать не хотелось. Точнее, не получалось: было неясно, как вообще два взрослых, трезвых и умных мужика могут всерьез обсуждать только что увиденное.

Обоих вернул в реальность резкий стук в дверь. Стас кинул удивленный взгляд на дверь: экторы и прочие вежливые люди в этот кабинет стучали куда более деликатно, а все остальные просто ее распахивали, не обременяясь необходимостью предупредить о своем появлении. Впрочем, в следующую секунду привычное положение вещей было почти восстановлено: дверь открылась, и в кабинет ворвался Артем.

– Конец света? – без всякого выражения спросил Стас, с облегчением рассматривая своего обычно весьма корректного старшего эктора.

В конце концов, что бы ни случилось за пределами института, оно даст возможность отсрочить обсуждение фантазмагии с двойниками.

– Пока не знаю, но скорее всего, – совершенно серьезно ответил Артем. – Экторы целый день рассказывают странные вещи...

Стас пихнул локтем продолжавшего смотреть в одну точку Буряка:

– Просыпайся, шизофреник. Тут, похоже, еще какая-то хрень намечается.

Буряк медленно повернул голову в сторону Артема, честно стараясь сфокусировать на нем взгляд.

Артем негромко продолжал:

– Людей на Равнине стало раза в три больше, чем раньше, при этом новых лиц нет. А Славка Вертухин за десять минут трижды встретил Капитана.

– И что? – непонимающе наморщил лоб Стас.

– Все три раза Капитан шел ему навстречу. При этом обратно он не проходил ни разу, – мрачно разъяснил Артем.

Стас с Буряком переглянулись, что загадочным образом возродило Буряка к жизни:

– Сильно подозреваю, что так было не только с Капитаном, – буркнул он, внимательно глядя на Артема.

Тот только молча кивнул.

– А я сильно подозреваю, что есть что-то еще, что тебе не нравится, – добавил Стас. – Иначе бы ты не ворвался сюда как маленький и очень злобный торнадо.

После утонченно-недовольной паузы Артем нехотя подтвердил:

– Еще как есть. Двоих мужчин избили, троих женщин изнасиловали.

Стас сердито крикнул:

– «Троих»... Окстись, филолог, собирательные числительные не употребляются с существительными женского рода.

– Это единственное, что тебе не понравилось в моих словах? – неприязненно осведомился Артем.

– Тем, что мне не понравилось, должны заниматься экторы-полицейские, а не я, – огрызнулся Стас. – Чего ты с этим к нам-то пришел?

– Прошу прощения, – язвительно поклонился Артем. – Может, вас тогда слегка заинтересует тот факт, что мужчин избил итер Даня?

Тут уж Стас действительно изумился:

– Чего-о?! Даня даже ходить не может, как он мог кого-то избить?!

– Причем между двумя драками, судя по рассказам очевидцев, прошло не больше пяти минут. Только первая драка была в районе Нового холма, а вторая – в поселке переселенцев, – мстительно закончил Артем.

Крыть нечем: последнее сообщение вообще ни в какие ворота не лезло. Еще в начале первой на Стасовой памяти волны дестабилизации тихому и безобидному итеру Дане выстрелами орудий, стрелявших из крепости бывшего малбона Кайрата, перешибло обе ноги. Никакие врачебные усилия добросовестной Цветаны Дане не помогли, передвигался с тех пор он исключительно в инвалидном кресле, а никаких агрессивных устремлений не проявлял вообще никогда. Вообразить, что он мог кого-то избить, потом перебежать с одного края Равнины на другой и отлупить еще кого-то, было категорически невозможно.

Тем временем Артем, видимо, решил их окончательно добить:

– А женщин изнасиловали отшельник Бастер, Антон и... – он слегка запнулся, – и Маргарита.

Стас обессиленно выдохнул:

– Маргарита?..

– Именно так. И Антон, который казачий муж, обожающий свою Ульяночку. И любитель океанских рыб Бастер, который отродясь со двора не выходил.

– Насколько я понимаю, это только те случаи, о которых ты знаешь, – резюмировал Буряк, и Артем сокрушенно кивнул.

Стас задумчиво произнес:

– Новый артефакт.

Никто из присутствующих ему не возразил.

– Кстати, Артем, ты же еще не знаешь... – вспомнил Стас. – Когда мы с Буряком минут десять назад вошли в кабинет, тут уже был один Буряк. Только он в окно выскочил, тебя не дождался. Сильное, я тебе скажу, впечатление. Мы как раз собирались хоть что-нибудь на этот счет предположить, а тут ты... Зато теперь все как-то понятнее выглядит.

– В самом деле? – скептически вздернул брови Буряк.

– К сожалению, да, – печально подтвердил Стас. – Похоже, весь наш новый порядок собирается рухнуть. Или даже уже рухнул.

– Объяснить ничего не хочешь? – раздраженно поинтересовался Буряк. – Мы, видишь ли, не такие умные, как ты. Или, может, просто не такие быстрые

Стас решительно встал и направился к двери:

– Полетели к Зинину. Устроим там заседание Совета в суженном составе. Женщин пугать пока не будем.

...К зависти многих жителей Равнины, не одаренных такой бескрайней фантазией, размер зининского двора вполне позволял самолету без ущерба для чего бы то ни было приземлиться прямо рядом с входной дверью. Когда мужчины повыскакивали из любимой Стасовой серебряной птицы и быстро пошли к дому, Артем настороженно окликнул двух других:

– Гляньте на окна! Там, по-моему, фонарик...

Буряк, не замедляя шага, досадливо бросил:

– Пошли быстрее, там все увидим.

Оказавшись у двери первым, он несколько раз изо всех сил постучал. Из дома не раздавалось ни единого звука, ни в одном окне не появился свет, зато дверь неожиданно подалась. Буряк тревожно оглянулся на отставших и ринулся внутрь.

Когда все трое уже были в темном коридоре, откуда-то из глубин дома донесся странный сдавленный хрип, и они, не стовариваясь, побежали на звук.

На пороге спальни по-прежнему несшийся первым Буряк споткнулся обо что-то, отчего по стенам метнулся яркий желтый луч, и яростно чертыхнулся. Двигавшийся следом за ним Артем сориентировался быстрее: он нагнулся, поднял с пола фонарик и направил его в сторону начинающего слабеть хрипа.

Над кроватью Зинина склонился какой-то человек, которого в следующую секунду отшвырнул в сторону Стас.

На шею Зинина была наброшена петля из прочного капронового шнура, и историк с багровым лицом и панически выпученными глазами скрюченными пальцами неловко пытался сорвать ее с себя.

Сердобольный Артем склонился над пострадавшим хозяином дома, пытаясь сообразить, как ему можно сейчас помочь. Стас в это время со всего маху врезал нападавшему кулаком в лицо. Буряк готовился сделать то же самое, напряженно вглядываясь в полутьме в смутно знакомое лицо противника. Он уже даже занес руку, но в этот момент Стас болезненно охнул и потрясенно уставился на стоявшего перед ним человека, который и глазом не моргнул, получив мощный хук в челюсть. Буряк едва успел остановить занесенную руку.

– Это еще что за черт?! – неуверенно проговорил Стас, кривясь от боли и рассматривая свой кулак.

Человек перед ним рванулся влево, явно намереваясь добраться до двери, но так и не пострадавший Буряк успел выставить ногу, и тот с размаху шлепнулся на пол, опять-таки не издав ни единого звука.

На всякий случай оба уселись поверх поверженного противника и начали изучать разбитые костяшки Стасовых пальцев.

– Будто со всей дури по мраморной стене врезал, – пожаловался Стас. – Робот, что ли?! Это вообще кто?

Буряк крайне неласково ухватил нападавшего за довольно длинные волосы, рванул его голову назад и наклонился взглянуть ему в лицо.

– Похоже, это Игнат, – негромко сказал он.

Нельзя сказать, что новость была ошеломительной: мортал Игнат всегда с очевидностью симпатизировал Тимофею, так что его легко было заподозрить в изрядной неприязни ко всем без исключения членам нынешнего Совета. Но почему именно Зинин?..

Стас оторвался от изучения своей пострадавшей руки, изогнулся, чтобы тоже рассмотреть лицо нападавшего, и удивленно хмыкнул: на лице того в месте удара не наблюдалось ни капель крови, ни даже легкого покраснения.

– Действительно, Игнат... Ты чего делал-то, идиот?! Чем тебе наш Зинин помешал? И почему я об тебя ударился, как об камень?

Лежа на полу с сильно запрокинутой назад головой, говорить мортал явно не мог, но его губы кривила злорадная усмешка.

– Давай перевернем его, – предложил Буряк. – Так он точно ничего не скажет.

Стараясь ни в один момент не ослаблять хватку и пытая, мужчины заставили Игната улечься на спину. Стас разместился на ногах мортала, а Буряк уселся на его правую руку, придавив обеими ногами к полу левую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.